

INSPIRIA

ПЯТЬДЕСЯТ СЛОВ ДОЖДЯ

An illustration of a pink cherry blossom tree with a dark brown trunk, set against a dark blue background with white diagonal lines representing rain. A large yellow sun is partially visible behind the tree's canopy. The ground is covered in a layer of pink blossoms.

АША ЛЕММИ

INSPIRIA

Novel. Мировые хиты

Аша Лемми

Пятьдесят слов дождя

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Лемми А.

Пятьдесят слов дождя / А. Лемми — «Эксмо», 2020 — (Novel. Мировые хиты)

ISBN 978-5-04-174131-0

Киото, Япония, 1948. Маленькую Нори надежно прячут от посторонних глаз. Многие годы она живет в доме своенравной бабушки, которая видит в ней лишь незаконнорожденную наследницу. Нори не знает любви. Она терпит, когда ее кожу обжигают отбеливающие ванны. У Нори нет выбора, ведь ей нужно соответствовать императорской семье Камидза. Но однажды на пороге дома появляется ее сводный брат Акира. Талантливый и красивый Акира видит в Нори не позорное пятно, а испуганную девочку. Чтобы разлучить их, бабушка и дедушка готовы на все, даже продать Нори в дом гейш. Девочка, которая должна молчать, научится говорить. Даже когда цена свободы – боль, свет внутри Нори не гаснет, а становится сильнее, освещая все вокруг. «Душераздирающая история о любви и потерях». – Кристин Ханна «За чтением этой книги время пролетает незаметно, но рассказанная в ней история остается с вами надолго». – Малала Юсуфзай, лауреат Нобелевской премии мира «Пронзительный исторический роман о судьбе незаконнорожденной молодой женщины в послевоенной Японии, о власти традиции, силе дружбы и цене свободы». – Анаит Григорян, автор романа «Осьминог»

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-174131-0

© Лемми А., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	8
Часть I	11
Глава первая	11
Глава вторая	19
Глава третья	27
Глава четвертая	36
Глава пятая	47
Глава шестая	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Аша Лемми

Пятьдесят слов дождя

*Ханне, с любовью,
и всем изгоям.
Поднимем бокалы за день грядущий!*

Asha Lemmie
FIFTY WORDS FOR RAIN
Copyright © 2020 by Asha Lemmie

Перевод с английского *Ксении Гусаковой*

Иллюстрация на переплете *Катерины Киланяни*

© Гусакова К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Префектура Киото, Япония

Лето 1948 года

Первое осознанное воспоминание Нори – как она подъехала к тому дому. В течение многих лет она будет стремиться расширить границы разума, заглянуть в минувшее. Снова и снова лежать на спине в ночной тиши, пытаясь вспомнить. Иногда в голове мелькала крошечная квартирка с ярко-желтыми стенами, однако образ исчезал столь же быстро, как и появлялся, не оставляя никакого удовлетворения. И поэтому, спроси ее кто, Нори ответила бы, что ее жизнь началась в день, когда она увидела величавое поместье, безмятежно покоившееся меж двух зеленых холмов. Потрясающе красивое место – нельзя этого отрицать, – и все же при виде него Нори невольно вздрогнула. Мать редко брала ее с собой, и что-то внутри подсказывало: там ее ждет то, что ей не понравится.

Потускневший синий автомобиль остановился у обочины напротив поместья эпохи Мэйдзи¹, обнесенного высокими белыми стенами. Внешние ворота стояли открытыми, позволяя хорошо рассмотреть тщательно обустроенный двор. А вот внутренние, ведущие к самому дому, были наглухо заперты. В верхней части главных ворот сияли выгравированные золотыми иероглифами всем на обозрение слова. Значение их Нори не понимала – она умела читать и писать только свое имя: *Но-ри-ко*. В этот момент ей захотелось уметь прочесть всякое когда-либо написанное слово, на любом языке. Нори повернулась к матери.

– *Окасан*², а что здесь написано?

Сидящая рядом женщина подавила вздох раздражения. Очевидно, в свое время она была потрясающе красива. И она по-прежнему оставалась великолепна, но на молодом лице уже начинало отражаться бремя жизни. Темные, густые волосы, заплетенные в косу, постоянно пытались растрепаться. Мягкие серые глаза были устремлены вниз.

– *Камидза*, – наконец ответила женщина, отводя взгляд. – Здесь написано «Камидза».

– Это же наша фамилия, да? – чирикнула Нори, моментально загоровшись любопытством.

Мать приглушенно усмехнулась, отчего волосы на загривке Нори встали дыбом. Водитель, мужчина, которого она ни разу не видела до сегодняшнего утра, испуганно глянул в зеркало заднего вида.

– Да, – тихо ответила мать, и глаза ее вспыхнули странным выражением, для которого в ограниченном словарном запасе Нори не было названия. – Это наша фамилия. Здесь живут мои мать и отец, дитя. Твои бабушка и дедушка.

Сердце Нори застучало быстрее. Мама никогда раньше не упоминала о родственниках, о семье. Напротив, они вдвоем так долго плыли по течению в одиночестве, что Нори не чувствовала связи с каким-либо определенным местом.

– Ты жила здесь, *окасан*?

– Когда-то, – сухо ответила мать. – До твоего рождения. Давным-давно.

Нори сморщила личико, нахмурившись.

– А почему ты уехала?

– Достаточно, *Норико*. Возьми свои вещи. Пойдем.

Нори повиновалась, закусив губу, чтобы удержаться от расспросов. Мать этого не любила. Всякий раз, как Нори что-то спрашивала, она натывалась на неодобрительный взгляд. Лучше молчать. В тех редких случаях, когда Нори удавалось угодить матери, она получала сухую полу-

¹ Период в истории Японии с 23 октября 1868 года по 30 июля 1912 года (*Здесь и далее прим. перев.*).

² Уважительное обращение к матери в японском языке.

улыбку. А иногда, если Нори вела себя особенно хорошо, мать вознаграждала ее конфетами или новой ленточкой для волос. За восемь лет жизни Норико собрала двенадцать ленточек.

«Женщине полезно учиться молчанию», – всегда говорила мам-а.

Нори ступила на тротуар и взяла вещи: маленький коричневый чемоданчик с обтрепанными лямками и фиолетовым шелковым платочком, повязанным вокруг ручки, и голубую сумку с серебряной застежкой, подарок на прошлый день рождения.

Впервые с тех пор, как ее подняли на рассвете этим утром, Нори заметила, что в руках у матери пусто. Женщина стояла так, словно ее бледно-розовые атласные туфельки приросли к неестественно белому тротуару. Ясные глаза были устремлены в точку, которую Нори не видела.

Она обратила внимание на одежду матери. Голубое платье до колен с короткими рукавами. Телесные чулки. На шее висел маленький серебряный крестик с крошечным бриллиантом в центре. Мать так крепко сцепила руки перед грудью, что под нежной кожей проступили голубые венки.

Нори нерешительно протянула руку.

– Окасан...

Мать быстро заморгала и разжала руки, безвольно повисшие вдоль тела. Глаза ее, однако, так и не оставили ту точку.

– Норико, – промолвила она с такой необычайной нежностью в голосе, что Нори с трудом поверила ушам. – Я хочу, чтобы ты мне кое-что пообещала.

Нори уставилась на мать снизу вверх, изо всех сил стараясь выглядеть милой и послушной. Нельзя испортить момент неуклюжими речами.

– Да, окасан?

– Пообещай, что будешь слушаться.

Просьба застала ее врасплох. Нори ведь еще ни разу в жизни не ослушалась. Зачем о таком просить?

Ее замешательство наверняка отразилось на лице, потому что мать, повернувшись, опустилась на колени, и их глаза оказались почти на одном уровне.

– Норико, – произнесла мать с тревогой, какой Нори никогда не слышала. – Пообещай. Пообещай мне, что станешь во всем повиноваться. Не задавай вопросов. Не спорь. Не противься. Не думай, если эти мысли приведут тебя туда, куда не следует. Только улыбайся и делай что велено. Важнее послушания лишь твоя жизнь. Лишь воздух, которым ты дышишь. Обещай.

На языке, ожигая его, вертелись тысячи вопросов. Нори их сглотнула.

– Да, матушка. *Якусоку симас*. Я обещаю.

Мать прерывисто вздохнула.

– Теперь слушай. Ты войдешь в ворота, твои бабушка и дедушка спросят, как тебя зовут. Что ты им скажешь?

– Норико, матушка. Норико Камидза.

– Да. Они спросят, сколько тебе лет. Что ты им скажешь?

– Мне восемь, матушка.

– Тебя спросят, куда ушла я. И ты ответишь, что я тебе не говорила. Что ты этого не знаешь. Понятно?

Во рту пересохло. Сердце затрепетало в груди, словно маленькая птичка.

– Окасан, а куда ты? Разве ты не пойдешь со мной?

Мать встала и, сунув руку в карман, вытащила толстый желтый конверт.

– Возьми, – настойчиво сказала мать, вкладывая конверт в потную ладошку дочери. – Отдай им, когда тебя будут обо всем расспрашивать.

– Окасан, куда ты? – охваченная паникой, Нори повысила голо-с.

Мать отвела взгляд.

– Цыц, Нори. Не плачь. Прекрати немедленно!

Слезы, уже было подступившие, с пугающей скоростью исчезли. Словно даже они обязаны были повиноваться.

– Норико, – продолжила мать, смягчив тон до шепота, – ты хорошая девочка. Главное, делай, что тебе велено. И не плачь. У тебя нет причин плакать.

– Да, окасан.

Мать поколебалась, несколько долгих мгновений подыскивая слова. И все же удовлетворилась тем, что сдержанно похлопала дочь по макушке.

– Я буду смотреть, как ты идешь. Ступай.

Взявшись за пожитки, Норико медленно двинулась к воротам, то и дело оглядываясь и проверяя, следит ли мать. Та следила.

Наконец Нори остановилась, не зная, как поступить дальше. Ворота были открыты, однако она словно знала, что входить не следует, и повернулась к матери, которая уже успела вернуться к машине.

– Окасан! – взвизгнула Нори, в один миг утратив былое спокойствие.

Ей хотелось броситься обратно, но что-то удержало девочку, приковав к месту, – что-то беспощадное, безжалостное, не позволявшее ни шелохнуться, ни вздохнуть, ни крикнуть. Мать бросила на нее последний, странно ясный взгляд, а затем села в машину и захлопнула дверцу. Автомобиль пронесся по улице, завернул за угол и скрылся из виду.

Нори потом долго стояла как вкопанная. Когда она наконец возобновила свое медленное шествие по дорожке, пересекающей двор, солнце уже было высоко. Все еще ошеломленная, девочка подняла крошечный кулачок и легонько постучала в ворота, которые скрывали дом, оставляя видимыми лишь верхние этажи и нависающую крышу. Никто не ответил. Нори толкнула ворота, отчасти надеясь, что створка не поддастся. И та не поддавалась, слишком тяжелая для малышки, и попробовать второй раз не имело смысла.

Нори села. И принялась ждать. Чего именно – сама не знала.

Несколько мгновений спустя ворота открылись, и вышли двое крупных мужчин в костюмах, с презрением глядя на Норико сверху вниз.

– Уходи, девочка, – сказал первый. – Здесь не нужны попрошайки.

– Я не попрошайка, – возразила Нори, вставая на ноги. – Я – Норико.

Мужчины безучастно на нее уставились. Нори протянула конверт, который ей дала мать.

– Камидза Норико дес.

Мужчины переглянулись и молча исчезли за воротами.

Нори опять осталась ждать.

Еще один долгий миг – и первый мужчина вернулся.

– Пойдем, – поманил он пальцем.

Он подхватил ее вещи и зашагал вперед, и Нори пришлось броситься за ним следом. Прекрасный огромный дом походил на дворец, однако внимание девочки быстро сосредоточилось на стоящей перед дверью фигуре.

Пожилая женщина с глазами как у ее матери и серебристыми прядями в аккуратно уложенных волосах уставилась на Норико с полнейшим недоверием.

Поскольку иного ей не оставалось, Нори сделала, как было велено.

– *Комбанва*³, *обаасама*⁴. Меня зовут Нори.

³ Добрый вечер (*яп.*).

⁴ Крайне уважительное обращение к бабушке в японском языке.

Часть I

Глава первая Песнь воды

Киото, Япония

Лето 1950 года

Боль пришла быстро. Явилась пугающим всплеском. И ничто не могло остановить ее жуткое шествие.

Боль пришла быстро. Само действие длилось куда дольше.

Нори едва ли не приветствовала вспышку боли, ведь она была самым приятным из того, что последует. Сперва покалывание, словно маленькое перышко выбивало на коже джигу. Затем растекалось жжение. Один за другим каждый нерв тела возбуждался и вопил, пока все они не слились в единый хор протеста. Затем – слезы. В свои юные годы Нори научилась их не сдерживать, иначе станет хуже. Если сдерживать, то она начнет урывками втягивать воздух носом, чувствуя, как туго сжимается грудная клетка. А потом из носа потекут сопли, смешиваясь со слезами тошнотворным варевом, которое слишком часто попадало в приоткрытый рот.

Лучше уж принять слезы со всем возможным достоинством. Они будут лишь стекать по щекам, прохладные, словно журчащий ручей.

В этом, по крайней мере, была хоть капля самоуважения.

– На сегодня все, Норико-сама.

Сквозь резь в глазах она заставила себя сфокусироваться на говорившей: служанка лет тридцати с небольшим, с круглым приветливым лицом и теплой улыбкой.

– Спасибо, Акико-сан.

Горничная осторожно помогла Нори подняться из фарфоровой ванны, предложив десятилетней девочке опереться на ее руку.

Резкий порыв ветра, коснувшийся обнаженного тела, заставил Нори тихонько вскрикнуть; колени подогнулись. Акико удержала ее и, удивительно легко вытащив из ванны, усадила на стул.

Нори начала медленно раскачиваться взад-вперед, желая, чтобы непрерывное движение помогло унять дрожь. Спустя несколько мгновений боль утихла ровно настолько, чтобы девочка сумела открыть глаза, увидеть, как служанка смывает смесь теплой воды, отбеливающего вещества и темных крупиц кожи цвета миндаля – ее, Нори, собственной кожи – в канализацию.

– Как думаете, получается? – спросила Нори, негодуя на саму себя из-за просочившегося в голос рвения. – Акико, как вы думаете, получается?

Служанка повернулась к ребенку, оставленному ей на попечение, и слабо улыбнулась. Нори испытала огромное облегчение.

– Да, маленькая госпожа, я думаю, что получается. Ваша бабушка будет довольна.

– А как вы думаете, я получу новое платье?

– Возможно. Если ваша бабушка даст мне денег на ткань, я сошью вам летнюю юкату.

Старая уже совсем мал-а.

– Я хотела бы синюю. Благородный цвет, правда, Акико?

Служанка опустила взгляд и принялась переодевать Нори в чистое хлопковое исподнее.

– Синий будет очень красиво смотреться на вас, маленькая гос-пожа.

– Это любимый цвет бабушки.

– Да. А теперь бегите. Через час я принесу вам поесть.

Нори заставила себя двигаться, не обращая внимания на пульсирующую боль. Все получалось, она знала, что получалось, с такими-то ежедневными ваннами! Бабушка послала за самым лучшим чудо-мылом, которое только можно купить, аж в Токио. Нори с готовностью терпела боль, вовремя поняв, что результаты будут стоить любых страданий. Она сидела бы в ванне хоть весь день напролет, если бы Акико позволила, но разрешали ей только по двадцать минут зараз. На левой ноге остался покрытый крапинками фиолетовый ожог, который приходилось скрывать особенно длинными юбками. Зато кожа вокруг него была удивительно светлой.

Нори хотела, чтобы так выглядела вся ее кожа.

Она прошла по коридору, стараясь не издавать никаких звуков, – во второй половине дня бабушка любила поспать. Особенно зимой, когда для светских визитов слишком холодно, а солнце садится рано.

Нори поспешила к лестнице на чердак, избегая взглядов слуг, которые рассматривали ее всякий раз, как она попадалась им на пути. Она прожила здесь уже два года, и все равно им явно было не по себе от ее присутствия. Акико заверила девочку, что дело не в том, что она им не нравится; просто они не привыкли к детям в доме.

Так или иначе, Нори с удовольствием обитала на чердаке, вдали от всего и всех. Бабушка в первый же день распорядилась, чтобы его расчистили и превратили в жилое помещение.

Чердак, очень просторный, заполнял столько вещей, сколько у Нори никогда не было. Кровать, обеденный стол и три стула, книжная полка, корзина, полная вязания и шитья, скромный алтарь для молитв, небольшая жаровня на зимние месяцы и шкаф для одежды. Даже маленький туалетный столик с табуреточкой, который, по словам Акико, когда-то принадлежал матери Норико. И, конечно, ее коричневый чемодан с фиолетовым шелковым платочком вокруг ручки. И голубая сумка с маленькой серебряной застежкой.

Больше всего ей нравилось окно в форме полумесяца над кроватью. Когда Нори вставала на постель ногами (чего ей делать не полагалось), то видела огороженный задний двор с зеленой травой и разросшимися старыми персиковыми деревьями. Она видела искусственный пруд, в котором плавали и плескались карпы кои, и слабые очертания соседних крыш. По мнению Нори, она видела целый мир.

Сколько ночей она провела, прижавшись лбом к прохладному, влажному стеклу? При чем ей очень даже везло, ведь ее ни разу не поймали. За такой проступок девочку безусловно высекли бы.

С того самого дня, как она приехала, ей не разрешалось покидать дом. А дом жил по многим неукоснительно соблюдаемым правилам.

Главное было простым: не показываться на глаза, пока не позовут. Сиди на чердаке, не издавай ни звука. Еду ей приносили трижды в день в определенные промежутки времени. Вниз, в ванную, ее водила Акико. Во время такого выхода Нори ждала процедура с отбеливающим средством.

Трижды в неделю на чердак поднимался сгорбленный слепнувший старик и учил девочку чтению, письму, арифметике и истории. Уроки Нори нравились. По правде говоря, она была весьма способной ученицей и всегда просила Саотомэ-сенсея принести ей новые книги. На прошлой неделе он принес книгу на английском языке под названием «Оливер Твист». Нори не смогла прочесть оттуда ни словечка, но твердо решила научиться. Книга была красивая, в кожаном переплете.

Соблюдать правила удавалось без особого труда. Нори их не понимала – и не пыталась понять.

Не думай.

Нори забралась на свою маленькую кровать с балдахином и уткнулась лицом в подушку. Прохлада подушки отвлекала от неослабевающего покалывания кожи. Инстинктивное желание убежать от боли вскоре погрузило девочку в беспокойный сон.

Ей снилось то же, что и всегда.

Она бежала за уезжающей синей машиной, звала мать, но никогда не могла ее догнать.

* * *

Сколько Нори себя помнила, ее конечности оставались непослушны. Начинали трястись, своенравно и неудержимо, при малейшем намеке на неприятности. Чтобы унять дрожь, ей приходилось обхватывать себя руками, стискивать изо всех сил.

Когда Акико сообщила, что сегодня ее навестит бабушка, Нори ощутила слабость во всем теле и торопливо опустила на деревянный стульчик за обеденным столом, не доверяя ногам.

– Обаасама придет?

– Да, маленькая госпожа.

Обычно бабушка навещала Нори раз в месяц, иногда дважды – проверить, как девочка живет и развивается.

Что бы она ни делала, бабушка никогда не оставалась довольна, взгляд ее цепких серых глаз подмечал малейший промах. Норико переполнял как восторг, так и ужас. Угодить бабушке – вот подвиг, который она страстно желала совершить.

Нори окинула взглядом свою комнату, мучительно остро осознавая, какой там царит беспорядок. Из-под покрывала торчал уголок желтого постельного белья. На керосиновой лампе на ночном столике – пятнышко пыли. Дрова в печке потрескивали, и кто-то счел бы подобный звук раздражающим.

Не говоря ни слова, служанка наводила порядок и расставляла все по местам. Акико тоже привыкла к требованиям хозяйки дома. Она работала здесь с самого детства.

И, следовательно, знала маму Нори. Нори все время хотелось ее расспросить, Акико все время хотелось рассказать, однако обе были слишком послушны.

– Что же мне надеть? – просипела девочка, презирая внезапно дрогнувший голос. – Как вы думаете?

Вариантов было немного: темно-синее платье в горошек с коротким рукавом и кружевным воротничком, зеленое кимоно с бледно-розовым поясом, ярко-желтая юката (для лета) и черное кимоно.

Нори пожевала щеку изнутри.

– Черное, – решительно ответила она на собственный вопрос.

Акико достала кимоно из шкафа и разложила на постели.

Нори пришла к такому выводу относительно легко: на фоне темной одежды кожа покажется светлее. Пока служанка помогала ей одеваться, мыслями Нори унеслась дальше.

Она провела дрожащей рукой по волосам – густым, буйным, упрямо выющим, несмотря на ежедневные попытки усмирить их расческой. Своеобразного оттенка темно-коричневого, который Нори сравнивала с корой дуба. Их никак не получалось заставить ниспадать на плечи, как у матери и бабушки. Однако, если приложить достаточно усилий, они распрямлялись настолько, что можно было заплести их на затылке в косу длиной до пояса и повязать яркой лентой. Тогда волосы выглядели почти нормально.

Сегодня из двенадцати лент Нори выбрала красную. Любимую, потому что красное подчеркивало блеск в глазах цвета шампанского, а единственное, что Нори все-таки нравилось в собственном лице, так это глаза – даже бабушка однажды мимоходом отметила, что они «довольно любопытные».

Изящно миндалевидные, как и следует. Хоть в этом она не выделялась так сильно.

Как только девочка оделась, Акико ушла.

Нори замерла посреди комнаты, усилием воли заставила себя не вертеться. Чинно сложила руки, с легким презрением разглядывая кожу. Вроде получше. Два года принятия ванн – и наконец заметна разница. Еще пара лет, и кожа посветлеет настолько, что можно будет покинуть чердак.

В отличие от бабушки, которая время от времени заходила, дедушка изо всех сил старался избегать внучки. Как советник императора, он большую часть времени все равно проводил в Токио. В тех редких случаях, когда их пути пересекались, он смотрел на Нори жестким взглядом, от которого продирало холодом. Иногда она спрашивала о дедушке у Акико. Служанка сразу тушевалась: «Он очень важный человек, очень влиятельный». И поспешно начинала говорить о другом.

Как бы ее ни мучило любопытство, Нори была не настолько глупа, чтобы обсуждать подобную тему с бабушкой. Совет матери оказался весьма полезен – хотя и не позволял узнать, где она и когда вернется. Впрочем, Нори старалась об этом не думать.

Звук шагов известил ее о прибытии бабушки. Нори опустила взгляд в пол и низко, почти-тельно поклонилась.

Женщина перед ней помолчала и спустя мгновение вздохнула:

– Нори-ко.

Знак, что можно разогнуться. Нори медленно выпрямилась, все так же вежливо, старательно не поднимая глаз.

Пожилая женщина стремительно приблизилась и одним ловким движением приподняла подбородок внучки тонким пальцем.

Нори взглянула бабушке в лицо. Сквозь оставленные временем отметины сквозили следы красоты. Гладкая, почти белая, как скорлупа яйца, кожа. Длинная шея, маленькие руки, тонкие пальцы. Темные волосы, с каждым годом все сильнее испещренные сединой, ниспадавшие идеально ровной пеленой значительно ниже талии. Аккуратный нос и пронзительные глаза цвета грозового неба, как у всех в семействе Камидза. И, разумеется, лебединая грация, к огорчению Нори, совершенно недоступная ей. Прекрасное и одновременно приводящее в исступление зрелище.

– *Конничива*⁵, обаасама, – проговорила Нори, силясь не увянуть под пристальным взором. – Да пошлет вам Бог благополучие и радость.

Юко кивнула, будто мысленно сверялась с неким контрольным списком, и слегка отступила. Нори едва слышно вздохнула от облегчения. Старуха бегло осмотрела чердак, затем еще раз кивнула.

Нори в предвкушении выдвинула из-за обеденного стола стул. Однако бабушка не сдвинулась с места.

– Думается мне, ты немного подросла.

Нори чуть не подпрыгнула от испуга. К подобному она не готовилась.

– Немного, госпожа.

– Сколько тебе?

Нори закусила губу.

– Десять, бабушка.

– Десять. У тебя уже пошла кровь?

Она оцепенела, охваченная паникой. Кровь? Она должна истекать кровью?

– Я... прошу прощения, я не понимаю.

Вместо презрения или ярости, которых ожидала Нори, бабушка лишь снова кивнула.

– Как твои успехи в учебе?

⁵ Добрый день (яп.).

Тут Нори мгновенно просияла. И на мгновение забылась.

– О, чудесно! Саотомэ-сенсей – очень хороший учитель. Он говорит, что я получу еще больше книг, когда смогу читать чуточку лучше. У меня уже есть две новые, и они на английском. Сенсей считает, у меня талант к...

Юко бросила в сторону внучки холодный взгляд, который мигом поставил ее на место. Девочка умолкла и, захлопнув рот, ощутила привкус желчи.

Женщине полезно учиться молчанию.

Нори опустила голову, уставилась на выцветший пол под ногами, желая слиться с ним воедино. К своему абсолютному ужасу, она ощутила подступающие к глазам слезы и быстро заморгала, чтобы их отогнать.

Спустя вечность тишины, бабушка промолвила:

– Сколько ты весишь?

К счастью, ответ на этот вопрос Нори знала без проблем. Ее взвешивали перед каждым приемом ванны.

– Тридцать девять фунтов, бабушка.

Юко в который раз кивнула.

– Волосы хорошо отрастают. Цвет лица немного улучшился. Я послала за новым средством.

– Спасибо, бабушка.

– Однажды ты можешь стать хорошенькой, Нори. Вполне хорошенькой.

Раньше эта фраза наполнила бы девочку радостью, подарила бы надежду, ощущение будущего за пределами чердака.

Мысли о будущем всегда терзали ее постоянным беспокойством. Нори не знала, что оно из себя представляет, не строила никаких планов. А ведь когда-то оно наступит, взглянет ей прямо в глаза.

И хотя слова бабушки вселяли в Нори оптимизм, теперь она понимала, что последует за этими надеждами на завтра.

Бабушка молча извлекла из складок рукавов деревянную кухонную ложку. Пусть и привычная к этой процедуре, Нори затряслась едва ли не до судорог. Она снова потерпела неудачу, снова удалилась на шаг от шанса покинуть чердак и войти в цивилизованный мир. Она еще не готова. Может, не будет готова никогда.

Юко облизнула тонкие губы.

– Девушка должна быть послушна. Ты учишься, это правда. Акико и учитель отчитываются мне. Однако ты по-прежнему слишком беззастенчива. Слишком дерзка в своих поступках. Прямо как твоя мать-шлюха.

Нори стиснула спинку стула и, не дожидаясь подсказки, склонилась.

– Тебе не хватает самообладания, не хватает грации, изящества. Я слышу, как шагами ты сотрясаешь весь дом, словно слон. Мы – императорская семья. Мы не ходим как рисоводы.

Не поднимая головы, Нори ощутила, как подошла ба-бушка.

– Усвой, наконец, главное – дисциплина.

Рука задрала ее кимоно, сдвинула ткань так, чтобы на ней не осталось ничего, кроме тонких хлопковых трусиков. Нори зажурилась.

Голос бабушки стал очень тихим.

– Ты – проклятая, жалкая тварь.

Первый удар ложки обрушился ошеломительно быстро. Даже не боль, а звук, громкий и резкий, напугал Нори больше всего. Зубы впились в нижнюю губу.

Второй и третий удары были еще суровей. На юном теле Нори не было жира, способного приглушить их силу. Как всегда, Нори начала считать удары. *Четыре. Пять. Шесть.*

В спине зародилась глубокая боль. Сдерживать слезы было бесполезно. Нори позволила им пролиться со всей гордостью, на которую была способна. А вот скулеж она считала недопустимым. Даже если придется прогрызть губу насквозь, Нори наотрез отказывалась издать хоть звук. *Десять. Одиннадцать. Двенадцать.*

Сквозь грохот пульса в ушах Нори слышала, как от таких физических усилий бабушка тяжело задышала. *Тринадцать. Четырнадцать.*

На этом, кажется, наказание сочли достаточным. На мгновение они обе застыли. Ни одна не шелохнулась. Тишину нарушало лишь прерывистое дыхание.

Бабушка медленно опустила руку, тщательно оправила одеяние. Последовал взгляд: строгий, слегка извиняющийся; возможно, в нем даже мелькала капля жалости. Затем все сменилось вежливым безразличием.

Лишь услышав скрип ступенек, Нори позволила себе выпрямиться.

И наставал час третьего акта этой пьесы.

Боль в боку резко вспыхнула в ответ на движение, и Нори дернулась, будто ужаленная. *Вдох. Выдох.*

Она поднесла руку к лицу и бесцеремонно потерла его ладонью. Примерно через час Акико принесет теплое полотенце, а до тех пор лучше не сидеть. Следы на ягодицах и верхней части бедер исчезнут через несколько дней. Теперь, когда Нори осталась одна, боль дала о себе знать в полной мере. Словно обиженный, что про него все забыли, начал сжиматься желудок. Однако Нори стояла, высоко вскинув подбородок, и не издавала ни звука.

Она даже не знала, для кого сейчас исполняет эту роль.

Иногда Нори думала, что играет для невидимых глаз, которые – она могла поклясться! – бабушка вживила в стены. А иногда – что для Бога. Если Он увидит, полагала Нори, какая она храбрая даже наедине с собой, то дарует ей какое-нибудь чудо.

Нори осторожно сняла кимоно, чтобы остаться в хлопковом исподнем. Зная, что так поступать не следует, бросила его на полу. Акико уберет. Очевидно, Акико не из тех, кто отчитывается обо всех поступках – иначе ее, несомненно, пороли бы куда чаще.

Девочке хотелось верить, что Акико не испытывает ненависти к возложенной на нее задаче. Ухаживать за ублюдком, незаконнорожденной – работа, конечно, оскорбительная, зато не требующая особых усилий. Нори старалась облегчить участь бедной женщины как из послушания, так и из-за вины.

Нори медленно, так медленно, что сама себе показалась смехотворной, подошла к алтарю на противоположной стороне комнаты. В ее обязанности входило трижды в день молиться. Ей это нравилось.

Алтарь определенно был самой любимой собственностью Нори, хотя на самом деле ей не принадлежал, – очередная брошенная вещь матери. Обычный деревянный столик, покрытый бархатной тканью пурпурного цвета с отделанными золотой нитью краями. На нем стояло искусно сделанное серебряное распятие с парой свечей по бокам. Нори чиркнула спичкой и зажгла обе свечи, потом опустилась на маленькую подушку, которую положила на пол.

Мягкий свет окутал ее успокаивающим теплом, и она позволила векам сомкнуться.

Боженька, прости меня за дерзость. Я обязательно спрошу Саотомэ-сенсея, что такое «дерзость», чтобы никогда больше такого не повторять. Прости за мои волосы. Прости за мою кожу. Прости за неприятности, которые я причиняю другим. Надеюсь, Ты не слишком на меня сердисься?

Пожалуйста, позаботься о моей маме. Она наверняка горюет, что пока не может меня забрать.

Пожалуйста, помоги мне поскорее стать готовой.

С любовью,

Нори

Бог был единственным, кому ей разрешалось задавать вопросы. По правде говоря, такая привилегия вызывала в Нори столько радости, что ее едва ли заботило отсутствие ответа.

* * *

Зимние месяцы подошли к концу без особых происшествий. Дни плавно слились воедино. Бабушка еще два раза навестила Норико, в результате чего та получила двенадцать и шестнадцать ударов соответственно.

В какой-то момент глава семейства заметила, что из опасений оставить рубцы в будущем придется ввести новые методы наказания.

С приближением весны Нори наблюдала, как меняется мир вокруг, как задерживается в самом расцвете дневной свет. Она смотрела из окна, как цветы во дворе раскрываются и становятся ярче.

Нори начала замечать изменения и в себе. Грудь, прежде плоская как стиральная доска, понемногу наполнялась, а бедра расширились, пусть и совсем капельку.

Да и вес, не превысивший за последние два года восемнадцать килограммов, упрямо пополз вверх. Это встревожило Нори больше всего. Она даже попросила Акико уменьшить ей порции еды, но та отказалась.

– Вы и так почти ничего не едите, Нори-сама. Можно захворать.

– Я ведь растолстею.

– Это естественный процесс, маленькая госпожа. Вы становитесь женщиной. Когда настанет пора, ваша бабушка объяснит, что с вами происходит. Мне не подходит.

Мне не подходит.

Акико всегда произносила эту фразу, когда не хотела о чем-то говорить. Порой, сжалившись, она отвечала на редкие вопросы Нори о том, почему все так, как есть. Но потом служанка замолкала, боясь, что сказала лишнего, и Нори оставалось разгадывать загадку самостоятельно.

Благодаря Акико Нори знала, что она – незаконнорожденная. Ублюдок. То есть она никогда по-настоящему не станет Камидзой, а бабушке нужен наследник.

Мать явно не подходила на эту роль, ведь ее называют «шлюхой».

Сколько бы ночей Нори ни проводила на коленях в молитвах о божественном вмешательстве, она вдруг поймала себя на мысли о ненависти к происходящим изменениям. Было ужасно неприятно чувствовать, как время толкает ее вперед, бестактно, совершенно не обращая внимания на то, готова Норико или нет.

Учеба шла гладко. Нори читала ночи напролет, до боли в глазах, иных занятий у нее не было. Саотомэ-сенсей относился к этому скептически. Казалось, какую бы книгу он ей ни приносил, Нори приканчивала ее за день, самое большее – за два. Даже когда она ему все объясняла, он все равно отказывался поверить.

– Невозможно, – говорил он. – Для ребенка твоего возраста. Причем девочки.

– Правда, сенсей, я все прочитала!

Тут он обычно кривился так, что все морщины сливались друг с другом.

– Ты не прочитала их должным образом.

Нори не отвечала, только опускала взгляд.

Не спорь.

Тема была закрыта, сенсей продолжил монотонно бубнить. Однако Нори уже не слушала. Пока мысли блуждали где-то далеко, на ум пришла «Песнь двух бедняков».

Мне жизнь моя

Печальна и невыносима,
Но не могу я улететь,
Поскольку я не птица.

Глава вторая

Мальчик со скрипкой

Киото, Япония

Зима 1951 года

Однажды унылым утром в конце января бабушка ни с того ни с сего заявила, что у Нори есть брат, и теперь он будет жить с ними.

Брат!

Нори непонимающе моргнула, швейная игла зависла в воздухе. Тряпичная куколка, чьи пуговичные глазки она пыталась исправить, осталась лежать на коленях, забытая.

– *Нани?* – спросила Нори, не в силах придумать ничего умнее. – Что?

Юко нахмурилась, раздраженная необходимостью повторить сказанное.

– Я не говорила раньше, однако сейчас тебе пора узнать. До того, как заклеить себя позором... до того, как родить тебя, твоя мать была замужем. От этого брака у нее есть сын. Его отец недавно умер, и потому мальчик переезжает к нам. Собственно, он должен уже с минуты на минуту прибыть.

Нори кивнула, надеясь, что таким образом ее мозг все-таки усвоит услышанное. Новые знания о матери и о прошлом сейчас казались смехотворно неуместными.

– Прибывает сегодня, – повторила она. – Чтобы жить здесь.

Бабушка сухо кивнула и продолжила, недовольная еще и тем, что ее вообще прервали:

– Ему пятнадцать. Учителя и родственники говорят, что мальчик исключительно одарен. Он принесет нашей семье великий почет.

Она умолкла, ожидая от Нори реакции. Когда той не последовало, бабушка разочарованно вздохнула:

– Норико, это хорошая новость. Мы все должны быть счастливы.

– Да, обаасама. Я очень счастлива.

Бабушка пронзила ее холодным взглядом. Для заявленного счастья девочка выглядела слишком безрадостной.

– Ему сообщили о твоём... присутствии. – Старая женщина поморщилась.

Если обычно бабушка относилась к существованию Нори равнодушно, а иногда, как ни парадоксально, настойчиво им интересовалась, то теперь она утратила даже былые крохи терпения. Нори оставалось полагать, что с предстоящим появлением мальчика терпеть ублюдка будет куда тяжелее.

Бабушка глубоко вздохнула и продолжила:

– Я заверила, что ты его не побеспокоишь. Если он решит тебя признать, так тому и быть. Однако ты не заговоришь с ним, пока он к тебе не обратится. Он – наследник этого дома. Тебе надлежит проявлять к нему должное почтение и уважение. *Вакаримас ка?* Ты меня понимаешь?

Обычно Нори кивнула бы или опустила глаза, да что угодно, лишь бы показать готовность повиноваться в тщетной надежде, что эти маленькие жесты каким-то образом увидит мать.

И вдруг что-то вырвалось из глубины души. Слетело с языка, просочившись меж сомкнутых губ.

– Нет!

Комнату окутала мертвая тишина. Нори огляделась в поисках человека, выкрикнувшего это слово. Наверняка его произнес кто-то другой. И уставилась на бабушку, не менее потрясенную. Колючие глаза широко распахнулись, рот с поджатыми губами разинулся. Юко тоже невольно оглядела комнату, убеждаясь, что среди них нет призрака.

Нори попыталась сдержать непокорство, но слова лишь хлынули вновь:

– Я... я просто имею в виду... я должна с ним поговорить. Мне нужно с ним поговорить. *Онэгаи симас, обаасама*. Пожалуйста.

Бабушка преодолела разделяющее их расстояние в считанные мгновения. Нори скорее услышала пощечину, чем ощутила ее. Голова мотнулась вбок, перед глазами все смазлось и побелело. Кукла соскользнула с колен и упала на пол, следом рухнула и сама Нори.

Бабушка опустила руку, ее лицо выражало полное безразличие. Она просто повторила вопрос, медленно и спокойно, как говорят с умственно отсталыми:

– Ты меня понимаешь?

В один сокрушительный миг к Нори вернулся страх. Будто щелкнул выключатель. Откуда-то издалека донесся тихий голос:

– Да, бабушка. Конечно. Как скажете.

– Хорошо. Я пошлю за тобой, когда он придет. Акико купила тебе кое-что из одежды по этому случаю.

В прошлый раз Нори получила новый наряд больше полугода назад. Она жила ради подарков – чего-нибудь блестящего, чего-нибудь, что можно заплести в волосы или повязать вокруг шеи бантом. Редкие обновления разнообразили постылое существование. И все же Нори не сумела обрадоваться новости.

Она понимала, что должна выразить благодарность, но не находила в себе сил открыть рот.

Девочка стояла на коленях, может, минуту, а может, целый час, пока бабушка в подробностях рассказывала о том, как следует себя вести.

– Никаких нелепых вопросов... Никаких громких шагов, неуклюжих движений... Не сутулься... Глаза в пол и улыбайся... Выглядишь так, будто лимон проглотила... Достоинство... Почтение... Изящество... Благопристойность... Честь...

С трудом разбирая слова за грохотом собственного сердца, Нори умудрялась время от времени кивать. Ее кожа, несмотря на теплоту на чердаке, покрылась мурашками. В рот словно набили опилок.

Лишь когда бабушка развернулась и начала уходить, Нори поняла, что кое-что забыла. Она сделала два осторожных шажочка вперед и протянула дрожащую руку, неуверенная, что именно пытается схватить.

– А... бабушка!

Та остановилась и повернула голову. Шелковистая завеса волос колыхнулась.

– Его имя... – Нори запнулась, почему-то неудержимо заморгав. – Как его зовут?

– Акира.

И бабушка быстрым шагом удалилась, явно потратив на этот разговор куда больше времени, чем намеревалась.

Нори осталась стоять в тишине. Ноги неистово дрожали – но не от страха. И не от невыносимой тревоги.

Ее трясло совсем по иной причине, только Нори не понимала по какой. Не могла подобрать для этого чувства название. Внезапно строгий запрет бабушки заговаривать с братом без приглашения показался ей бессмысленным.

Может, именно так ощущалась надежда. Настоящая, осязаемая надежда.

Нори поднесла указательный палец к губам и произнесла имя по слогам.

А...

Ки...

Ра...

«Акира» – светлый, чистый.

Нори выдохнула, осознав, что задержала дыхание. А потом снова произнесла имя:

– Акира.

Она могла повторять его каждое мгновение каждого дня, пока жива, и никогда не устать от ощущения на губах.

Нори не понимала, что смеется, пока не заболели щеки. Она прикусила палец, чтобы сдержаться, но тщетно, – звук просочился наружу, разнесся эхом по комнате с высоким потолком. Если кто-нибудь услышит, совсем скоро дела будут очень уж плохи. И все же Нори продолжала смеяться.

* * *

Платье оказалось потрясающего лилового оттенка. С короткими рукавами-фонариками, с отделанными белым кружевом воротником и подолом. Вдобавок Нори получила пару новеньких белых гольфов. К такому наряду, она решила, подойдет небесно-голубая лента. Вот только что делать с волосами? Сегодня их обязательно нужно выпрямить.

Она яростно провела расческой по голове, вырывая пучки выющихся каштановых волос. Спутанный клубок упал на пол. Акико нахмурилась.

– Может, лучше я, маленькая госпожа?

– Я сама.

Когда Нори закончила, Акико аккуратно заплела ей две косы, которые затем скрутила в пучок у основания шеи.

Нори внимательно изучила себя в зеркале. Должно сработать. Хотя вариантов немного. Нет смысла расстраиваться из-за того, что ты не можешь изменить.

– Он уже тут?

– Как и пять минут назад – нет, госпожа.

Нори закусила губу. Снаружи темнело. Акира уже должен был приехал.

– А откуда он родом, Акико?

– Полагаю, из Токио.

– Это куда бабушка посылает за новыми вещами? Столица?

– Да.

– Тогда он наверняка очень важный.

Акико рассмеялась, хотя Нори не совсем поняла, что в сказанном смешного.

– Не все из Токио важные, маленькая госпожа. Однако я вполне уверена, что Акира-сама таков. Вы происходите из очень знатной семьи.

– Дедушка работает в столице, – пробормотала Нори больше для себя, чем для Акико. – Он помогает императору. Поэтому он так редко бывает дома.

– Да, – согласилась служанка. – Принести вам ужин?

– Нет, спасибо.

Когда Акира-сама придет, нельзя показаться ему с застрявшей в зубах пищей. Нори и так уже опасалась грядущего разговора с мальчиком – в этой области она совершенно неопытна. Разумеется, она знала, как выглядят мальчики. В книгах она видела самые разные картинки, в том числе огромных зданий за морем. Видела озера, горы и пруды. Она придумывала для себя маленькие игры, чтобы не забыть сопоставить образы со словами, когда наконец настанет час покинуть это место.

Нори пожевала губу.

– А вы... а как вы думаете, я ему понравлюсь?

Лицо Акико смягчилось. Она заправила выбившийся локон девочки ей за ухо.

– Надеюсь, милая.

Следом на ум пришел куда более опасный вопрос.

– Как вы думаете, он знает, где матушка?

Служанка напряглась и посмотрела на дверь.

– Маленькая госпожа... – только и промолвила она. Мгновение их близости окончилось. Долг Акико перед бабушкой Нори всегда побеждал.

И все же Нори позволила себе преисполниться уверенности.

Акира наверняка с ней заговорит. У него нет причин ее ненавидеть. Она ничего ему не сделала, ничего ему не стоила. Матери она стоила принадлежащего по праву места, теперь Нори это понимала, а бабушке она стоила чести. Однако перед Акирой она была чиста.

А если... Внезапная мысль ее поразила. Может, появление странного брата, который каким-то образом ее старше, хотя она никогда о нем не слышала, станет испытанием, которое устроила для нее мать? Ну конечно, все так и есть!

Наконец все стало ясно. Ей лишь нужно справиться с еще одной проверкой. И тогда... тогда сюда вернется мать. И увезет их обоих куда-нибудь далеко. Втроем они заживут там, где полно высокой травы и цветов вроде тех, что растут по склонам горных хребтов. Там тоже наверняка будет пруд. Нори сможет плескаться в прозрачной воде, пока не захочется вернуться на берег. А потом будет лежать на солнышке. Лежать часами напролет, пока ладони и ступни не покраснеют, пока их не начнет покалывать. И этот брат, кем бы он ни был, каким бы он ни был, будет лежать рядом. И они посмеются над тем, что она когда-то боялась.

Акико

Уже порядком за полночь, когда я наконец веду маленькую госпожу вниз по ступенькам. Как и велено, я держу ее за руку. Ладонка в моей руке болезненно хрупка; я чувствую каждую косточку. Девочка спускается с чердака с некоторым трепетом, одергивая платье, словно боится, что оно помнется. Если подумать, у девочки есть все основания быть осторожной. Ей больше двух лет не позволяют заходить дальше ванной комнаты на втором этаже. Когда мы проходим мимо нее, маленькая госпожа издает тихий свистящий звук. С облегчением? Или со страхом? Нервное дитя.

Девочка мало говорит, но многое выдает языком тела. Я часто застаю, как она глядит в пространство, кусая губу, уже распухшую и окровавленную.

Не могу решить, гениальна она или же полная тупица. На днях я поймала ее за чтением книги на английском языке – она водила пальцем по картинкам и что-то бормотала под нос. Маленькая госпожа сразу засуетилась, едва поняла, что я на нее смотрю. Интересно, учится ли она самостоятельно – способна ли она вообще на подобное. Может, все так и есть. Может, кровь предательницы течет в ее венах и учит тому, чему мы не в состоянии.

Справедливости ради, она – хорошая подопечная. Никогда не жалуется, редко о чем-то просит. Довольна своим «лечением», как мне велено это называть. Плачет, конечно, однако старается не поднимать шума.

Она от природы любопытна – это я могу сказать точно. Молчание дается ей нелегко. Я вижу, как она мучается. В этом смысле она очень похожа на свою мать. Госпожа Сейко так и не взяла на себя обязанности принцессы.

Мать Нори низко пала из-за упрямого неповиновения. Госпожа Юко говорит, что мы все слишком ее баловали, и я ни в коем случае не должна допустить эту ошибку повторно.

Однако маленькая госпожа – прелестная крошка, честное слово, и я ловлю себя на том, что позволяю слишком многое.

Нори тянет меня за руку, как будто хочет отвлечь от грез наяву.

Даже когда она держит рот закрытым, ее странные глаза сверкают как фейерверк. Я вижу, как много мысли она вкладывает во все, что делает, даже в простые вещи, которые не должны требовать усилий.

Опять же, не могу решить, признак это ума или глупости. В любом случае, у нее и правда прекрасные глаза, теплые и светлые.

У главной лестницы маленькая госпожа замирает, сжимая свободной рукой перила с отчаянием, которого я не могу понять. Девочка осматривает пространство внизу, настороженная и дрожащая. Полагаю, ищет Кохей-сама. Но его здесь нет, и я испытываю от этого такое же облегчение, как и она.

Хозяин – тяжелый человек. В приступах ярости он склонен бить слуг. Он жалуется на еду и швыряет в лицо поварам блюда, которые ему не по нраву. Я даже видела, как он поднимает руку на супругу, когда их мнения расходятся, хотя он редко на это осмеливается. Кровь Юко-сама куда знатнее. Деньги ее отца подарили им этот дворец, обеспечили ее мужу место среди советников императора. Она – грозная женщина, принцесса по крови, кузина императора. Она управляет домом твердой рукой, и хотя госпожа ровно столь же требовательна, как и супруг, все, кто здесь работает, ее уважают. Она – прекрасная хозяйка. Она царственна до кончиков ногтей, и перед ней нельзя не склониться.

Я дала дитяти достаточно постоять испуганным жеребенком. Тяну ее вперед, и она покорно повинуется. Я крепко ее держу, чтобы не упала.

Мы идем по главному коридору, и маленькая госпожа вытягивает шею, внимательно все рассматривая. Она отлично понимает: может пройти еще много времени, прежде чем она вновь увидит эту часть дома. Девочка молча восторгается богатой обстановкой, превосходными коврами, гобеленами и картинами.

Когда мы подходим к холлу, она дрожит как осиновый листок. Что-то бормочет себе под нос, будто мантру. Как полубезумная. Может, после стольких лет на чердаке так оно и есть. Мне всегда было интересно, что с психическим состоянием бедняжки. Я читала, что ублюдки от природы неустойчивы. Не говоря уже о неграх, которые, как говорят, от рождения дикие, как львы.

Мы сворачиваем за угол и наконец видим стройную фигуру молодого человека, рассеянно глядящего в большое окно. Маленькая госпожа замирает, встает совершенно неподвижно, зачарованная каким-то безжалостным светом.

И, словно тронутый самой силой напряжения, исходящего от крошечного существа рядом со мной, мальчик оборачивается.

На данный момент я выполнила свой долг.

Я их оставляю.

* * *

Очень немного в ее памяти останется ясным. Ускользнувшие годы загонят воспоминания о времени, проведенном в доме бабушки, в слишком тесное для них пространство, и они сольются воедино, как акварель на листе.

Однако этот миг сохранится нетронутым, неизменным, незыблемым.

У брата было идеальное лицо в форме сердца с глазами того же цвета, что и у матери. Длинные, почти женственные ресницы. Слегка полноватые губы и такая бледная кожа на фоне черных волос. И все же из всех его черт Норико больше всего понравился нос – точно такой же, как у нее. Брат был одет в свободную белую рубашку с парой расстегнутых пуговиц у воротника и черные брюки. Судя по тому, как он стоял, юноша привык находиться у людей на виду; слегка опущенные плечи намекали на небрежное безразличие к окружающему.

Уловив взгляд брата, Нори опустила глаза в пол.

И тогда ей захотелось стать кем-то иным, кем-то более достойным внимания. Под пристальным взглядом она вдруг почувствовала себя обнаженной, пусть и ткань юбки, которую она стискивала, уверяла в обратном.

Поскольку не было ничего, что ее разум мог бы придумать из слов, достаточно значимых для такого момента, Норико просто сделала так, как ей сказали.

Она склонилась в поклоне.

Казалось невероятным, что она когда-то вообще обладала даром речи. Оставалось ждать – секунды или годы, как он предпочтет.

– Ты Норико?

Потребовалось мгновение, чтобы в полной мере осознать, что с ней заговорили. Голос был незнакомым и однозначно отсутствовал в ее ментальной библиотеке звуков. Тихий, мягкий, достаточно бархатный... Нори было не с чем его сравнить, не чем облегчить удар по всем чувствам. Разуму пришлось впитать чуждый звук и дать ему имя: голос Акиры. Голос ее брата.

– Да, – сумела она ответить так ясно, что сама испугалась. – Это я.

Тело в какой-то момент достигло максимальной пропускной способности паники, и Нори внезапно ощутила блаженное онемение.

Акира слегка нахмурил брови, но вряд ли из досады. Скорее по привычке.

– Мне говорят, что ты... моя сестра.

Нори так сильно стиснула кулаки, что ногти впились в ладони даже сквозь ткань платья.

– Ты похожа на мать... – Акира шагнул к Нори, затем, по-видимому, передумал и остановился. – Насколько это возможно.

– Я не помню, – выдавила Нори. – Не могу вспомнить ее лицо. Пытаюсь, но не могу.

Стоящий перед ней мальчик, по-видимому, хотел еще что-то сказать, однако одернул себя. Он сделал еще пару шагов навстречу, навис над девочкой, по меньшей мере на сорок пять сантиметров выше.

Тиканье напольных часов за спиной вдруг показалось неприлично громким. Звук заполнил барабанные перепонки, эгоистично их отвлекая.

– В каком году ты родилась?

Нори испуганно икнула. Акира терпеливо ждал ответа, ничуть не смущенный ее запинками. Ей понадобилось мгновение – прокрутить годы в обратном порядке.

– Тысяча девятьсот сороковой, – наконец заключила она, покрасневшись от гордости, что сумела посчитать.

О своем дне рождения Нори думала не часто, знала, что он где-то в теплые месяцы.

– Тысяча девятьсот сороковой, – бесцветно повторил Акира. – Как раз перед тем, как дело приняло действительно паршивый оборот. Логично.

Растущее замешательство Нори, должно быть, стало ощутимо, потому что Акира пожал плечами – явно западный жест. Нори читала об этом в одной книге о хороших манерах.

– Тебе ничего не рассказали, да? О том, что случилось, когда ты родилась?

Нори была совершенно не готова к допросу. Она просто смотрела на юношу, беспомощно разинув рот и ломая голову, чтобы придумать ответ, который бы ему понравился. Как и следовало ожидать, ничего не вышло.

– Простите... я не понимаю.

Акира снова пожал плечами.

– Я умею читать! – выпалила Нори.

Акира моргнул.

– Что?

– Я умею читать, – повторила она, как полная идиотка. Все и так полностью испорчено, почему бы не продолжить. – Я читала книги о Токио. Знаю, что раньше вы там жили. Боюсь, в сравнении Киото не очень интересен. Наверное, я ни разу не была в городе... Я вообще нигде никогда не была, если честно, но вы найдете, чем там заняться, если захотите. Скоро летний фестиваль. Акико... Акико – служанка, очень милая... Все, кто здесь работает, обрадуются вашему приезду. Бабушка всегда сожалела, что в доме нет мальчика, она будет в восторге. Так вот, Акико иногда приносит мне газету, которую остальные уже прочитали. Знаю, что когда я была маленькая, была война. Знаю... что отчасти поэтому у меня такая внешность. Я как-

то связана с этой войной. Но по большей части я хорошая девочка. Окасан сама так сказала. Она вернется! И здорово, что мы теперь вместе, ведь тогда она заберет нас обоих. О, а еще на заднем дворе пруд, и там рыба. В смысле, здесь не так уж плохо. Совсем не плохо.

Нори наконец заставила себя поднять взгляд. На фарфоровом лице юноши ничего не отразилось. Лишь безмятежность, которую Нори не могла всецело осознать. Манера брата держаться, его стан... все это обычно бы ее напугало. Однако он не внушал ей страх.

– Ты умеешь читать, – повторил за ней Акира.

Нори показалось, что он слегка удивлен. Ее кожа так пылала, что даже стало интересно: не чувствует ли брат исходящий от нее жар.

– Да, – шепотом подтвердила Нори.

Вернулась Акико и послушно встала у девочки за спиной, прижавшись к двери. На первый взгляд, она словно ждала, вдруг маленькой госпоже понадобится помощь. Однако Акико никогда не действовала по собственной воле. За ней скрывалась властная рука, дергающая за веревочки марионеток, и послание было предельно ясным.

Пора уходить.

Нори подавила желание захныкать. Когда ей вновь позволят увидеть Акиру? Находиться с ним под одной крышей и знать, что до него не дотянуться...

Нори еще раз поклонилась, стараясь больше не смотреть на брата. Она не доверяла себе.

– *Оясуми насай.* Спокойной ночи, Акира-сама.

– Спокойной ночи.

Нори подошла к Акико, без всяких вопросов взялась за протянутую руку. Ее надзирательница изобразила слегка извиняющуюся полуулыбку. Нори не ответила тем же. Она просто позволила себя увести.

– Кстати, Нори-ко, – окликнул ее юноша, словно вспомнил позабытую мысль.

Она сразу же повернулась.

– Да?

– Не нужно называть меня «Акира-сама». Это странно.

Ветер оставил паруса Нори так быстро, что она чудом не рухнула на пол.

– Как же мне тогда вас называть?

Акира слегка свел брови, затем снова пожал плечами.

– Как тебе угодно. И не на «вы».

Акико непреклонно потянула Нори за руку. Задержись они дольше, обоим несдобровать.

Девочка поднялась сперва по одной лестнице, затем по второй и, наконец, по третьей.

Акико, извинившись, ушла, и Нори осталась в одиночестве.

Ее чердак как будто стал много теснее.

Снимая и убирая новый наряд, Нори справилась так быстро, что даже не стала любоваться мастерством швеи.

Ей стало неинтересно думать о новых платьях, которые время от времени дарила бабушка. Это ведь просто вещи – отрезки окрашенной ткани. Их недостаточно, чтобы сделать жизнь полной.

Нори завела руку за голову, распустила волосы, повязала ленту – подарок матери – вокруг шеи. Вскрабкалась на кровать, прижалась лицом к прохладному окну. Было слишком темно, но ее мысленный взор столь тщательно запомнил все детали, что зрение не требовалось, чтобы увидеть двор. Нори провела мизинцем по запотевшему стеклу, выписывая свое имя, как проделывала до этого сотни раз.

Но-ри-ко.

Она чертила и чертила его, пока не закончилось место. Повторение – отличная колыбельная. Контроль над сознанием начал ослабевать, и Нори мгновенно исполнилась облегчения. Нелегко дававшийся ей сон дарил ей то, в чем постоянно отказывала явь – свободу.

Она легла, устроилась под теплым одеялом, и в голову вдруг пришла мысль. Девочка приподнялась и осторожно начертила на стекле, под своим именем, еще одно слово: *Аники*. Старший брат.

Глава третья Хикари (Свет)

Киото, Япония

Январь 1951 года

Однажды Нори прочитала в учебнике о гравитационном притяжении. В то время она мало что поняла, однако ухватила основной принцип: малое вращается вокруг большого. Земля вращается вокруг солнца. Луна вращается вокруг Земли. Великой иерархии существования.

Какой бы одинокой, испуганной или несчастной Нори ни была, она никогда не покидала чердак. Никогда. Бабушка не чувствовала необходимости запирать дверь, настолько абсолютной была ее вера в то, что подопечная не осмелится переступить порог.

После приезда Акиры повиновение Нори продлилось ровно шесть дней, шесть часов и двадцать семь минут. Если бы не крайнее нежелание послушаться прощальных слов матери, оно бы не продержалось и малой части того. Даже самое беспрекословное послушание в конце концов уступает нужде. Все равно что велеть голодной собаке сидеть, а на другом конце комнаты оставить еду. Собака рано или поздно позабудет команду.

Мать говорила: важнее послушания лишь воздух, которым дышат люди. Однако в доме появился новый центр притяжения, какой-то необъяснимой силой высасывающий воздух. Не приблизившись к нему, нельзя прожить долго.

И воздух Нори был уже на исходе.

Все шесть дней она отказывалась от любых занятий, беспокойно расхаживала по чердаку и позволяла себе только есть – ровно столько, чтобы подавить приступы голода – и принимать ванну. Книги стояли нетронутыми на полке, волосы растрепались и торчали, как буйная листва на дереве. В голове снова и снова прокручивалась встреча с Акирой – улучшенный вариант, где был исправлен каждый мелкий недостаток. Следующая встреча должна пройти идеально. Вот оно, испытание, которое задумала для нее мать. Однако не по этой причине Нори казалось, будто сама ее плоть отрывается от костей и тянется к Акире. Почему Нори мгновенно и так сильно к нему привязалась? Потому что они родичи? Или, может, это Бог наконец пытался ей что-то сказать?

На шестой день, прежде чем сделать первый шаг, Нори дождалась, пока Акико принесет ей ужин.

– Сегодня *хамати*?⁶ Особый повод?

Служанка покачала головой.

– Вряд ли, маленькая госпожа. Просто в последнее время ваша бабушка в добром расположении духа.

– Надеюсь, брат привыкает к жизни тут. Он всем доволен?

– Думаю, да, насколько это возможно. Должно быть, ему нелегко.

Нори помолчала, впервые вспомнив печальную причину, по которой он сюда попал. Недостойно радоваться присутствию брата, зная, что его к ней привела смерть отца.

– Как он умер? – спросила Нори, когда Акико налила ей чашку теплого молока.

Впервые в жизни она ощутила соблазн признаться, как сильно ненавидит теплое молоко, но передумала.

– Вы сегодня разговорчивы, – удивленно промолвила служанка.

– Хочу сделать его пребывание здесь как можно более приятным. Не оплошать, вот и все.

⁶ Желтохвост (*яп.*).

– Ясуэй Тодо на протяжении долгого времени был нездоров.

Нори редко столь охотно отвечали на вопросы. Она попыталась сделать вид, будто сосредоточена на еде, и проговорить следующую фразу как можно непринужденнее:

– Надеюсь, брату дали удобную комнату. Заблудится ведь в этом доме.

Акико усмехнулась – сама часто так шутила.

– Ему предоставили комнату у лестницы, маленькая госпожа. Полагаю, ваша бабушка обо всем подумала.

Нори постаралась сохранить безмятежное выражение лица и не выдать бурную радость в глубине души.

На втором этаже слишком много комнат, их не обойти все так, чтобы не попасться. Теперь круг поисков удалось сузить. Если подняться по главной лестнице, то сразу с правой стороны коридора было две двери, и слева тоже. Значит, нужна одна из этих четырех.

Акико ушла. Нори в тишине доела ужин, а затем принялась укрощать джунгли на голове, протаскивая гребень с таким рвением, что тот, казалось, вот-вот сломается. Ей было не впервой ломать расческу. Она заплела себе две косы и связала их концы вместе белоснежной лентой, которую хранила для самых особых случаев и носила редко – боялась испачкать.

Нори внимательно рассмотрела себя в зеркале. Как ни удивительно, выглядела она вполне прилично.

Когда Акико вернулась за посудой, Нори разыграла грандиозный спектакль, притворившись, что у нее болит голова. Разумеется, служанка предложила ей принять аспирин и лечь спать.

Следующие несколько часов девочка провела за излюбленным развлечением. Она сидела, скрестив ноги, на постели, ждала, когда за окном стемнеет, и вспоминала немногие истории, которые рассказывала ей мать. Например, о большом черном корабле и о том, как в их семью пришел Бог. Воспоминание сохранилось отчетливо, ведь это был единственный раз, когда мать упомянула, что была частью семьи.

Нори вдруг пришло в голову, что с тех пор, как появился Акира, она не сказала Богу ни единого словечка, и, вскочив с кровати, метнулась в молитвенный уголок. Глядя на несчастного, печального Иисуса на кресте, она мгновенно преисполнилась чувством вины.

Прости меня, Боже. Ты, должно быть, очень на меня сердишься. Пожалуйста, прости. Я дурная, дурная девочка, ведь я счастлива, что брат здесь, потому что умер его отец. А если он понравился мамушке, то наверняка он был очень хорошим. Молю тебя вернуть мамушку, ведь теперь мы с Акирой вдвоем. Мне стыдно за то, что я собираюсь сделать. Знаю, ослушивание – грех, так что прости меня и за это. Спасибо, что выслушал.

Закончив с молитвой, Нори решительно взялась за выполнение задачи.

Нужно отыскать Акиру и заставить его с ней поговорить. Она знала: ему стоит только попросить, и бабушка уступит. Скорее всего, брат понятия не имеет, какой властью обладает.

В последний раз оглядевшись по сторонам, Нори направилась к лестнице.

Под ступней скрипнула половица. Девочка сразу замерла. Страшно подумать о последствиях, если ее поймут.

Не в силах придумать выход лучше, она опустилась и поползла на четвереньках. Чувствовала она себя при этом ужасно глупо, зато пол больше не скрипел. Нори медленно спустилась по ступенькам, прекрасно понимая, что если упадет, то перебудит весь дом.

Ей без особого труда удалось открыть дверь на второй этаж, просто прижимаясь к ней, пока створка не сдвинулась. И тут наконец возникло первое осложнение. Оставить дверь открытой или закрыть, рискуя выдать себя звуками? Пожевав губу, Нори решила выбрать первый вариант.

Прижимаясь к стене, она поползла по коридору, словно еще не умеющий ходить ребенок. Здесь половицы оказались более прочными и ухоженными, так как бабушка следила, чтобы

полы основных этажей дома мыли и натирали каждую неделю. Не найти ни пылинки, дерево даже в темноте сияло, словно залитое солнцем стекло.

Нори так и не составила четкий план, как выяснить, которая из четырех комнат принадлежит брату. Задумывая свой план в принципе, Нори действовала из отчаяния. За ним стояла не столько мысль, сколько нужда.

Если бы она не припадала так низко к полу, то, возможно, и не увидела бы его – слабый свет, исходящий из-под ближайшей к перилам двери.

У Нори перехватило дыхание. Неужели все действительно так просто? Что, если за дверью не он? С другой стороны, а кто еще? Нет, комната наверняка принадлежит брату.

Нори поползла быстрее, остро осознавая, что находится на виду. У двери, поколебавшись несколько секунд, она уселась на колени и дважды постучала. Очень, очень осторожно, легонько, в глубине души надеясь, что ее не услышат и что еще не слишком поздно отказаться от этого глупого плана.

Из-за двери донеслось шевеление, и Нори чуть не рванула бежать в противоположном направлении. А потом дверь открылась, и на гостью сверху вниз в явном замешательстве установился Акира в темно-красной пижаме.

Брат смотрел и молчал.

– Ты всегда так делаешь? – наконец спросил он.

У Нори вспыхнули щеки.

– Прости, я...

Глубоко вздохнув, Акира жестом пригласил ее войти. Нори шмыгнула внутрь, и он закрыл дверь.

Комната была очень просторной, с большими окнами и внушительной двуспальной кроватью с драпировками сливового цвета. Обе прикроватные лампы горели. На комод из красного дерева лежали стопки белой бумаги с витиеватыми черными пометками. Рядом с ними стояла картонная коробка с книгами, которую, судя по всему, разобрали только наполовину. А к столу был прислонен черный футляр.

– Что это за штука? – выпалила Нори, не успев сдержаться.

Акира ответил изумленным взглядом, который заставил ее отпрянуть.

– Я играю на скрипке. Что ты здесь делаешь, Норико?

– Я просто... в смысле, нам надо поговорить.

Акира скрестил руки на груди.

– Поговорить?

– Да, поговорить. То есть... у нас ведь одна мать.

Аргумент прозвучал слабо даже для самой Нори. Она потянула себя за косу.

– Совершенно не понимаю, как это связано с тем, что ты стучишься мне в дверь в полчетвертого утра.

Нори прикусила щеку изнутри, пытаясь успокоиться.

– Прости. Я не хотела тебя разбудить.

Акира пожал плечами.

– Я не спал. Просматривал кое-какие ноты.

Девочка переступила с ноги на ногу, не понимая, что он имеет в виду. Брат указал на комод и листы.

– Это Бах.

Нори удивленно моргнула.

– А что это?

– Композитор. Он жил давным-давно.

– А-а... Ясно.

Акира встретился с ней взглядом, и Нори пришлось сделать над собой немалое усилие, чтобы не отвести глаза.

– Наверное, ты не без причины пришла сюда...

– Ты нравишься бабушке.

К сожалению, Нори не сумела придумать более изящный способ изложить цель своего ночного визита. Оставалось надеяться, что Акира сочтет ее неуклюжесть трогательной.

Акира фыркнул.

– Ну да, полагаю, что нравлюсь. Настаивала же, чтобы я к ней переехал.

Нори помедлила, не желая говорить слишком много, но ничего не могла с собой поделать. Любопытство, которое она подавляла годами, неудержимо рвалось наружу.

– А ты сам не хотел?

Акира приподнял темную бровь и посмотрел на девочку так, словно она бездомная кошка, забредшая к нему на кухню.

– Жить в глуши с женщиной, которую видел два раза в жизни?

Нори растерялась. Она явно упускала что-то из виду... Акира потер глаза тыльной стороной ладони.

– Забываю, что тебе всего десять, – пробормотал он. – Сарказм до тебя не доходит. Полагаю, ты хотела меня о чем-то спросить?

Нори поняла: сейчас или никогда.

– Я хотела спросить, не мог бы ты поговорить с ней. Тебя она послушает. Не мог бы ты... пожалуйста, спроси ее, можно ли нам с тобой разговаривать.

Настал черед Акиры растеряться.

– Мы же разговариваем!

– Ну да. Но я не... я не должна здесь быть. Бабушка сказала, что нельзя с тобой говорить, пока ты ко мне не обратишься и... ну, ты не обращался. И мне нельзя без разрешения покидать мою комнату.

Акира уронил голову в ладони.

– Ох, черт.

Грубое слово застало девочку врасплох. Она тут же отпрянула, уверенная, что разозлила брата. Однако он даже не смотрел в ее сторону. Напряженно нахмурившись, он устремил взгляд в точку где-то за ее головой. Время от времени Нори разбирала обрывки его ворчания, например, непонятные слова «вспять» и «архаичный».

Не смея открыть рот, она ждала, когда брат к ней обратится.

После короткой паузы ее терпение было вознаграждено. Акира глубоко вздохнул и словно очнулся.

– Норико, – произнес он, – мир устроен не так.

Она склонила голову набок, ничегошеньки не понимая.

– Не так?

– Да. Тебе не требуется ее разрешение, чтобы со мной поговорить.

– Я знаю. Требуется твое.

– Все не... Нет, ты упускаешь суть.

Нори начала впадать в панику.

– Упускаю?..

И тут Акира сделал такое, к чему она была совершенно не готова. Он преодолел расстояние между ними парой ловких шагов и положил руку ей на плечо. Нори на мгновение вся одеревенела – а потом растаяла под прикосновением. Именно тогда она и решила, что любит брата.

– Тебе не требуется разрешение со мной говорить. Это глупо.

Нори слушала вполуха. Ее тело поглотило теплое обволакивающее ощущение.

– Хорошо, аники.

– И почему, черт возьми, тебе нельзя выходить из комнаты? Тебя наказали?

Разумеется, бабушка не объяснила Акире правила – его они не касались. И поэтому, излагая их список со всем достоинством, на которое была способна, Нори внимательно следила за реакцией брата. Выражение его лица менялось от изумления к негодованию.

– То есть старая карга не выпускала тебя из дома почти три года? Совсем? Даже на пару шагов за порог?

Нори покачала головой и прикусила губу.

– Поэтому ты пришла? Чтобы я как-то на нее повлиял?

Нори снова покачала головой. Чем больше она думала, тем больше понимала, что затея с самого начала была обречена на провал.

– Нет, аники. Я просто хотела с тобой поговорить.

Уголки губ Акиры изогнулись в улыбке.

– Поговорить со мной?

– *Хай*.

– Если не возражаешь, я хотел бы поспать.

Щеки Нори покрылись пятнами румянца. Она резко поклонилась и сбивчиво забормotala извинения, которыми не заработала ничего, кроме очередной усмешки. Нори подошла к двери, взялась за ручку.

– Близкие называют тебя Нори, да?

Она повернулась к брату, заодно обдумывая вопрос. Она не понимала, о каких таких «близких» идет речь, не знала, как они ее называют, но была совершенно уверена, что и не хочет знать. Бросив ломать голову, Норико решила просто-напросто ответить:

– Моя... наша мать называла меня Нори.

Акира бросил на нее короткий взгляд, после чего махнул рукой в знак того, что ей можно идти.

– Ну, хорошо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, аники.

* * *

Когда два дня спустя бабушка решила навестить без предупреждения, в предрассветные часы, Нори была уверена, что о ее непослушании стало известно.

Нори даже не расстроилась. Открыв глаза и увидев перед собой старуху в синей юкате, она попросту встала с кровати и низко поклонилась. В кои-то веки она не дрожала. Никакая порка в мире не заставила бы ее пожалеть о содеянном.

Губы бабушки были плотно сжаты, руки – сплетены, словно узловатые ветки дерева.

– Я обратила внимание, что... что ребенку... твоего возраста необходимо некоторое количество физических упражнений. Посему отныне тебе позволено спускаться в дом с девяти часов утра и до пяти часов вечера. Под постоянным надзором Акико. Ни при каких обстоятельствах ни к чему без разрешения не прикасаться. Не приставать к прислуге – у них нет времени на твои глупости. Устроишь беспорядок – я тебя накажу. Сломаешь что-либо – я тебя накажу. Попытаешься ступить за порог дома – я сниму с твоих убудочных костей кожу. Ты меня поняла?

Нори вскинула голову и в немом оцепенении уставилась на бабушку. Несмотря на угрозы, несмотря на чистую, неподдельную злобу, которая, надо признать, была для бесстрастной опекуни довольно странной, она слышала только одно.

– Я могу выходить?

Юко дернула бровью.

– В пределах названных правил. Тебе заранее сообщат, в какие дни разрешено заниматься физическими упражнениями.

Перевод: в дни, когда дедушка в столице. Много в этом доме было выше понимания Нори, но она была на сто процентов уверена, что о новых обстоятельствах дедушка не осведомлен.

Нори потянула себя за жесткий локон, пытаясь не выдать зарождающееся внутри удовлетворение.

– *Аригато годзаймас*⁷.

Пропустив любезность мимо ушей, бабушка развернулась и как можно быстрее ушла. Нори не могла не восхититься, какой бесшумной умудрялась быть бабушка, даже едва ли не выбегая наружу.

По прошествии часа вернулась Акико. Девочка чуть не швырнула книгу на пол – в таком исступлении она стремилась пересечь комнату.

– Мы уже идем?

– Да.

– А куда мы пойдем? – осведомилась Нори.

Если новообретенная самостоятельность не приведет ее к Акире, то в ней толку как в испорченной питьевой воде.

– Ваш брат, скорее всего, на кухне, маленькая гос-пожа.

Нори попыталась вызвать в воображении образ кухни, не смогла и выпятила нижнюю губу. Ее осенило: она никогда там не бывала, отсюда и пробел. Лишь смутное воспоминание из прошлого. Мать не любила готовить; почти каждый вечер она приносила домой еду в картонных коробочках. Лапша всегда была пересоленной, а рис – пересушенным. Зато память услужливо подсказала, что на кухне были муравьи, и мать опрыскивала их из бутылки с уксусной водой. Потом квартира пахла уксусом еще несколько дней.

Образы возвращались один за другим, словно предвещая появление нового кусочка головоломки, которую оставила ей мать.

Норико направилась к лестнице. Акико следовала за ней по пятам. Нори не запнулась ни на первой ступеньке, ни на второй, ни на третьей. Девочка маршировала вниз с целеустремленностью солдата. Все прежние колебания, казалось, растворились в воздухе.

Она спустилась так быстро, как могла, с оглядкой на беднягу Акико, чтобы та не запыхалась. Ступни вдруг вспотели, тогда Нори остановилась на лестничной площадке, стянула носки и протянула служанке. Акико молча взяла их и сунула в карман передника.

Спохватившись – а куда идти дальше-то, – Нори терпеливо дождалась, пока служанка укажет дорогу. Когда Акико взяла ее за руку и повела по длинным коридорам, Нори невольно обратила внимания на запахи дома.

В вазе на приставном столике из красного дерева стояли цветы. С белоснежными лепестками, с маленькой сливочно-желтой серединкой, пахнущие дождем. Нори охватило горячее желание провести по ним кончиками пальцев. Она много лет не видела цветы, даже не помнила, какие они на ощупь.

– Акико, а как они называются?

Служанка рассеянно оглянулась.

– Эти? *Кику но хана*. Хризантемы. Символ императорской семьи, ваших кузенов. Ваша бабушка всегда держит их в доме.

– Красивые. И благородные, да?

– Благородные.

– А бабушка – из императорской семьи?

⁷ Вежливая форма благодарности в японском языке.

– Да, маленькая госпожа. В ее жилах течет императорская кровь. Она очень этим гордится.

Нори смутно задалась вопросом, не означает ли это, что и в ее жилах течет императорская кровь. Вряд ли. Когда-то эту кровь в ней разбавили. Свели на нет, и поэтому все складывается сейчас как есть.

Кухня делилась на две половины. В первой теснились столешницы, плиты и духовки (аж три штуки). Две женщины, нарезавшие овощи, даже не подняли на вошедшую девочку глаз.

Вторая половина располагалась немного в стороне, окруженная большими окнами и стеклянной крышей. Тончайшие прозрачные занавеси взметались на легком ветру. Сквозь них сочился солнечный свет, и в его лучах плясали частички пыли. Там был круглый стеклянный стол с серебряным ободом, в центре которого стояла еще одна ваза с хризантемами; мягкие стулья с серебряными спинками и роскошными белыми подушечками. Стульев Нори насчитала шесть.

И на ближайшем к стене стуле сидел ее брат. Он уткнулся в книгу, длинные ресницы отбрасывали на лицо тень. Темные волосы растрепались, словно по ним от силы раз или два наспех провели гребнем, скорее для галочки. На Акире была простая рубашка с коротким рукавом цвета летнего неба и шорты.

Нори едва слышно ахнула. Акико отпустила ее ладонь, слегка поклонилась и шепнула:

– Я скоро вернусь. Ведите себя хорошо.

Нори ничего не могла с собой поделать. Она ошалело рванула туда, где сидел Акира, и взгромоздилась на соседний стул. Женщины в другом конце кухни бросили на нее раздраженный взгляд, когда ножки громко скрежетнули по полу.

Акира вскинул темную бровь, однако от чтения не оторвался.

Нори ждала, когда он заговорит. Когда поведаст легенду о том, как умудрился убедить бабушку увеличить длину поводка, на котором та держала Нори. Ждала, когда он скажет хоть что-то. Спросит ее о чем-нибудь.

Но больше всего Нори хотела, чтобы он объяснил ей почему. Почему потратил пусть даже три предложения на то, чтобы ей помочь. Почему вообще позволял ей находиться в его присутствии. Почему он, в отличие от всего остального мира, не испытывал к ней ненависти за то, что произошло еще до ее рождения. И в то же время часть Нори ожидала услышать резкое замечание, ехидный укол или ощутить хлесткую затрещину. Ожидала именно этого – что простой миг удовольствия у нее отнимут. Что Бог ниспешлет ей что-нибудь ужасное, напомнит, кто она такая и какой должна быть ее жизнь.

А Бог ничего не делал. И Акира тоже.

Несколько мгновений прошло в тишине. Наконец, по прошествии, казалось, десятилетия, Акира отложил книгу.

– Тебе скучно?

Она непонимающе на него уставилась. Скучно? Что за нелепый вопрос? Как ей вообще могло стать скучно?

– Нет, аники.

Акира еще мгновение изучал ее пронизательным взглядом серых глаз, от чего у нее по коже пробежали мурашки. Впрочем, ощущение было довольно приятным.

– Сама прическу себе сделала?

Нори мигом оживилась.

– Да.

Акира отметил ее реакцию с явным весельем. Он протянул руку и легонько провел пальцем по одной косичке, невесомо коснувшись при этом и уха. От его прикосновения внутри Нори что-то напряглось и сломалось.

– Красиво.

Брат перевел взгляд с ее волос на лицо и почему-то распахнул глаза. Нори же могла лишь беспомощно смотреть в ответ – неспособная шелохнуться, неспособная заговорить. Она смутно ощутила, как что-то тронуло ее руку. Но это происходило словно в отдельной реальности, в месте, безмерно далеком.

– Нори... ты плачешь.

Голос Акиры прозвучал мягко, можно даже сказать, что озадаченно. Прежний саркастический тон исчез.

Ее губы приоткрылись в попытке произнести слова, но ничего не вышло. Нори опустила взгляд на свою руку, лежащую на столе. И правда, две капельки. Откуда? Не было же абсолютно никаких причин плакать! Никакой боли.

Нори услышала, как кто-то тихо всхлипнул, и к своему ужасу поняла: это она сама. Она вскинула к лицу ладонь, принялась лихорадочно вытирать слезы со щек. Попыталась выдавить извинения, однако с губ сорвалось лишь прерывистое рыдание. Все срывалось, ускользало, трескалось и падало, изломанное, на пол.

О господи.

Почему? Почему ты плачешь? Прекрати. Прекрати. Прекрати! Только не перед ним. Ты все портишь. Ты...

Акира молча наблюдал. А Нори сидела, свернувшись калачиком на стуле, и рыдала безо всякой видимой причины весь следующий час.

Каждый раз, как она пыталась отдышаться или заговорить, от рыданий сдавливало грудь. И тогда Нори прибегла к своему старому способу: отдалась слезам, позволила им накатывать волнами, пока они не иссякли. Если зрелище и привлекало внимание прислуги, Нори этого не заметила. Да и плевать ей было. Она сунула в рот кулак и прикусила костяшки, сиюсь остановить рвущиеся наружу жалкие мяукающие звуки. На языке смешалась горечь соли от крови и слез.

Вот бы кто-нибудь велел ей остановиться! Потому что сама по себе, брошенная на произвол судьбы, она сомневалась в своих силах. Словно поток, вырвавшись на свободу, теперь не успокоится, пока не засосет ее в свои глубины.

Наконец сотрясающие ее вздохи и всхлипы начали стихать. Лицо покраснело и пылало. Ресницы противно слиплись, глаза пекло.

Не говоря ни слова, Акира протянул ей носовой платок. Нори взяла его дрожащими руками и вытерла щеки, не в силах смотреть на брата. Все кончено, не успев даже начаться, – она сама себя лишила шанса на уважение с его стороны.

– Спасибо, аники.

Акира окинул ее, насколько она могла судить, совершенно беспристрастным взглядом.

– Ты голодна?

Нори, не сомневаясь, что ослышалась, посмотрела на него с недоверием.

– Голодна? – Голосовые связки протестующе зазвенели, горло совершенно пересохло.

– Я вот умираю от голода. Наверняка ты любишь мороженое. Все маленькие девочки его любят. Шоколадное или ванильное?

Нори уставилась брату в глаза, безуспешно пытаясь их прочесть.

– Я никогда не ела мороженого.

Если Акира и удивился, то ничем этого не выдал. Он встал и, повернувшись спиной, пошел рыться в морозильной камере. Служанка шагнула вперед и предложила помощь в поисках. Акира отмахнулся.

Нори перевела взгляд опухших от слез глаз на книгу, которая осталась лежать на столе, – сборник поэзии. Забывшись, она перевернула страницу.

– Принцесса Кадзу. Читала ее стихи?

Нори вновь съежилась на стуле, не желая еще больше опозориться. Акира поставил перед ней миску с чем-то похожим на кремообразный рисовый шарик.

– Нет, аники.

– Для тебя, наверное, сложновато, но, если хочешь – почитай. Я тебе помогу. И вот, ешь.

Нори послушно сунула в рот ложку десерта. Он оказался мягким и сладким – ничего слаще она в жизни не пробовала. Холод, пусть и неожиданный, успокоил ноющее горло. Нори прикончила миску за считанные минуты. Акира протянул ей салфетку.

– Я иду читать наверх.

И не оборачиваясь, он ушел. Книга так и осталась лежать открытой на столе. Нори колебалась полсекунды – прежде чем сунуть ее под мышку и последовать за братом.

Глава четвертая

«Аве Мария»

Киото, Япония

Зима/весна 1951 года

Ее называли тенью Акиры. Когда она проходила по коридору, ей вслед пренебрежительно перешептывались. Пребывая в менее радушном настроении, ее называли его собакой.

Нори не обращала внимания – заслужила.

Она всегда следовала за ним по пятам. Каждый день брат вставал рано, завтракал рисовой кашей и свежими фруктами. Он предпочитал кофе с капелькой молока, но иногда пил чай. Он дразнил Нори за привычку пускать в соке пузыри. Однажды он позволил ей сделать глоток его кофе. Напиток оказался таким горьким, что она выплюнула все себе на платье. Брат смеялся над ней до тех пор, пока Нори не захотелось заползти в темную нишу и там умереть.

Акире нравилось тепло. В полдень, когда солнце стояло высоко, он любил сидеть в холле, прямо под открытыми окнами. Хотя слуги не раз предлагали принести ему стул, он всегда сидел на полу, прислонившись к стене, с чашкой чая или нотами. Странно – как в такую жару можно пить чай?

Нори находила тень и садилась напротив брата, просила у Акико, время от времени подхитившей ее проведать, воды со льдом. Она притворялась, что читает книги, но по большей части сквозь ресницы наблюдала за братом. Ему даже не нужно было ничего делать – ей просто нравилось на него смотреть.

На обед Акира часто ел рыбу и маринованные овощи, которые Нори всей душой ненавидела. Причем потреблял такое количество васаби, что Нори удивлялась, как он вообще различает, что кладет в рот. Сама она пристрастилась к мороженому и теперь съедала по меньшей мере три порции в день. Впрочем, брат заставлял ее сперва поесть нормально. А еще он заставлял Нори есть овощи, к ее великому огорчению. Но мороженое того стоило.

Когда они заканчивали обед, Акира удалялся в музыкальную комнату. Ее наличие в доме Нори поразило. Совершенно невероятно, чтобы у такой женщины, как их бабушка, была особая комната, посвященная тому, о чем до приезда Акиры и не слыхивали.

Брат рассказал, что, когда он впервые ее обнаружил, воздух внутри так застоялся, что было не продохнуть. Инструменты покрывал толстый слой пыли – лет десять копилась, не меньше. Акира попросил, чтобы там убрали; к следующему утру комната сверкала чистотой и до сих пор пахла моющими средствами с ароматом лимона.

Большую часть комнаты занимал детский рояль с блестящими клавишами из слоновой кости и гладкой черной поверхностью. Вдоль стен тянулись книжные полки, заваленные партитурами. Одна стена оставалась свободной – явно на случай появления еще некоторого количества инструментов. А вот окон там не было, что огорчало Нори, ведь она очень любила выглядывать наружу. За землями вокруг дома прекрасно ухаживали, и пестрое разноцветье, которое принесла весна, отзывалось в ее сердце болью.

Зато в углу комнаты стоял очень удобный двухместный диванчик; там Нори и сидела, наблюдая за игрой Акиры.

Ей-богу, как он играл! Ни разу в жизни – даже в самых смелых и полных надежды мечтах – Нори не слышала столь прекрасных звуков, как музыка, которой он давал жизнь.

Несмотря на всепоглощающее обожание Акиры, Нори понимала, что он всего лишь человек. Он человек, а его скрипка – не более чем искусно сработанный кусок дерева со струнами. Однако вместе они превосходили человеческую обыденность, становясь чем-то божественным. Нори знала, что такие мысли кощунственны, и каждую ночь пыталась искупить их в молитвах.

Она сворачивалась на диване калачиком и слушала, как брат выписывает звуком картины. Каждое произведение рисовало новые образы. Мысленным взором Нори видела сад, полный деревьев с белой листвой, и фонтан с яркими пятнышками розовых лепестков, плавающих в воде, – это концерт. Или реквием – одинокий конь, бредущий по тускло освещенной дороге в поисках своего давным-давно погибшего всадника. У мертвых белых мужчин, к именам которых Нори постепенно привыкала, она усваивала, что значит прожить тысячу жизней в радости и печали, никогда не покидая стен дома.

Бетховен. Равель. Моцарт. Чайковский... Имена и не выговоришь. Нори понимала, что лучше не прерывать Акиру во время игры, но после, когда он изможденный опускался рядом с ней на диван, она засыпала его вопросами.

И Акира отвечал. Он не заговаривал первым, не начинал беседу. В сущности, с момента, когда Нори присоединялась к нему с утра, и до того, как ее уводили спать, Акира произносил от силы несколько фраз. И тем не менее он не обескураживал Нори, не игнорировал, когда она к нему обращалась. Иногда он протягивал руку и играл с косичками Нори или поправлял ей воротник. Ему нравилось накручивать ее кудри на палец и смотреть, как они, словно пружинки, отскакивают – фокус, который ему ни за что не повернуть с собственными ровными прядями. Акира был единственным, кому нравились волосы Нори. Она ценила эти редкие мгновения и прятала их в самом укромном уголке памяти, рядом с воспоминаниями о матери.

Однажды вечером, сидя на диване рядом с братом, она нерешительно спросила:

– А что за мелодию ты играл?

Нори разрывалась между стремлением пообщаться и нежеланием нарушить окутавшее их безмятежное спокойствие.

Акира даже не открыл глаз.

– Какую именно, сестренка? Я сыграл по меньшей мере пятнадцать.

Нори не сдержала улыбки. Акира называл ее сестренкой лишь в моменты, когда был счастлив.

– Последняя. Она мне больше всего понравилась.

Акира помедлил мгновение, вспоминая.

– А, эта, – проговорил он равнодушно. – Пустяк. Незамысловатая вещица. Я столько всего сыграл, а ты хочешь узнать больше про эту?

Нори прикусила нижнюю губу. Стало больно – зубы попали в свежую ранку.

– Красивая же, – пробормотала она.

– Да, незамысловатое бывает красивым. – Акира резко хохотнул. – Конечно, тебе нравится! Ничего удивительного. Она ведь похожа на детскую колыбельную, правда?

Нори промолчала, услышав насмешку. Она понятия не имела, что из себя должна представлять колыбельная, и не хотела выглядеть глупой в глазах своего умудренного брата.

Акира жестом попросил передать ему чай, оставленный на столике. Нори послушно протянула чашку, терпеливо ожидая ответа на изначальный вопрос.

– Это Шуберт. Франц Шуберт. «Аве Мария».

Нори постаралась правильно за ним повторить, чувствуя, как искажают звуки непослушные губы. Акира снова над ней рассмеялся.

– Ты научишь меня играть ее, аники?

Она уже давно собиралась с духом, чтобы попросить об этом брата. Игра Акиры каждый раз очаровывала ее до глубины души. словно сам ее дух парил над опустевшим телом, что оставалось на земле. Нори тоже хотела уметь такое – вызывать у людей подобные чувства.

Акира выпрямился.

– Ты серьезно?

– *Хай*⁸.

– Нори, скрипка – не игрушка. Это инструмент. Чтобы научиться, уйдут годы.

– Я могу научиться! – заявила она, сознавая, что вряд ли добьется чего-то заискиванием. – Ты же смог.

– У меня от природы способности к музыке. Можно стирать пальцы в кровь, но если нет таланта, никогда не преодолеешь определенную планку. Это чудовищная трата времени. Спустя годы обучения понять, что ты всего лишь посредственность...

Нори ощутила, как ее решимость слабеет. Очень уж маловероятно, что она обладает хоть каким-то талантом. Однако продолжала настаивать:

– Я хотела бы попробовать.

Акира уставился на сестру с явным недоверием. Она посмотрела в ответ широко распахнутыми глазами – и не позволила своему взгляду дрогнуть; мало-помалу Нори училась контролировать дрожь.

Акира моргнул – знак, что он смирился?

– Если ты действительно хочешь, я буду давать тебе уроки. Некоторое время.

Нори мгновенно оживилась, не в силах устоять перед желанием броситься к нему на шею.

– О, спасибо! Спасибо, аники!

Акира чуть отстранился. Хотя выглядел он при этом лишь слегка раздраженным, что Нори расценила как личную победу.

– Ладно, ладно. А теперь ступай. Акико уже наверняка ждет.

– Но, ани...

– Нори!

Когда Акира произносил ее имя таким тоном, спорить было бесполезно.

Нори встала и слегка поклонилась.

– *Оясуми насай*, аники.

– Спокойной ночи, Нори.

Как обычно, Акико ждала за дверью музыкальной комнаты. Нори ответила на привычные вопросы о минувшем дне со всей живостью, какую была способна изобразить, однако ее мысли витали далеко. Затем она быстро по-ужинала, стремясь, чтобы Акико поскорее забрала посуду и ушла спать. Ее охватило внезапное горячее желание побыть одной. От мысли, что рядом еще кто-то, зудела кожа. Несмотря на нелюбовь к одиночеству, Нори настолько к нему привыкла, что длительное общение с людьми вызывало у нее смутную тревогу.

Акира не в счет, конечно.

После ужина Нори углубилась в книгу со стихами, которую ей одолжил брат. Он был прав: читать ее оказалось трудно. Книга была явно старая, потрепанная – пожелтевшие страницы загибались. Шрифт был крошечным и таким плотным, что слова сливались друг с другом, а многие сложные иероглифы Нори видела впервые. Акира объяснял, что этим стихам несколько столетий, и что со временем язык меняется. Несмотря на соблазн расстроиться и сдаться, Норико не отступила. Она читала, пока не заболели глаза, затем выключила свет, зажгла свечи и помолилась перед алтарем – попросила Бога присмотреть за Акирой, за их бабушкой и дедушкой. Последних двух она включала в молитвы по умолчанию, а насколько искренне – сама не могла сказать.

Нори помолилась и за мать. Наверняка мать вернется и очень скоро, надо набраться терпения. Что еще более важно, надо заслужить возрожденный интерес матери. Так или иначе она должна сделаться много привлекательнее того, ради чего мать ее бросила. В иные дни Нори думала, что знает, как это сделать, и даже мнила себя на верном пути. Но большую часть

⁸ Да (*яп.*).

времени она чувствовала себя совершенно потерянной. Она цеплялась за слова из разговора, который не понимала. А возможно, даже не помнила правильно.

Впрочем, Нори не хотелось сомневаться. Как и всегда, она предпочитала верить. Так значительно проще.

Нори так устала, что когда наконец легла в постель, сон пришел мгновенно. Этой ночью ей не являлась безликая женщина, зовущая из маленького синего автомобиля, который неизменно исчезал вдали.

* * *

Следующим утром, сразу после завтрака, Акира ждал ее в музыкальной комнате.

На нем была темно-синяя рубашка с короткими рукавами и белые шорты. Он оглядел вошедшую сестру с головы до ног, и она не смогла не покраснеть. Сегодня Нори выбрала ярко-желтую юкату и сливочно-желтую ленту, которую повязала вокруг шеи.

Нори поклонилась и поприветствовала брата застенчивой улыбкой в надежде, что он заметит, как она ради него расстаралась. На Акиру наряд впечатления явно не произвел.

– Отныне мы будем начинать в девять часов утра. Опоздаешь, и я уйду. Ясно?

Столь прямолинейное заявление застало Нори врасплох, но она кивнула. Она училась привыкать к манерам Акиры.

Он указал на попитр, который заранее опустил примерно на уровень ее глаз. Нори подошла, осторожно положила руку на прохладный металл.

– Сутулишься.

Нори выгнула спину и подобрала ягодицы. Акира лишь фыркнул.

– Выпрямись. Расслабь плечи... Нет, нет.

Крепкие руки схватили ее за поясницу.

– Будешь так зажата, на сцене рухнешь замертво. Расслабься.

Кожа Акиры всегда настолько источала тепло, что это казалось почти неестественным.

Однако Нори и не думала отстраняться.

– На сцене?

Брат стоял у нее за спиной, Нори его не видела, но чувствовала, как он закатил глаза.

– Да, это наша цель. Иначе вся затея бессмысленна.

– А ты бывал на сцене?

Акира снова фыркнул.

– Разумеется. – Он разорвал прикосновение и передвинулся так, чтобы вновь встать перед ней. – Готова?

Нори кивнула, хотя ладони у нее вспотели. Если она справится и сделает все правильно, то построит мост между своим и его мирами...

Наверное.

В течение следующих часов Акира учил сестру нотам. Из них и состояла музыка, словно мозаика из своих кусочков. Еще Акира показал Нори гаммы, которые она изо всех сил пыталась запомнить. Затем брат их для нее записал – и поручил отрабатывать каждый вечер перед сном.

Акира продемонстрировал струны скрипки и объяснил, что каждая представляет собой ноту и как при помощи смычка и перемещений пальцев по грифу создавать самые разные звуки. Он рассказал, что скрипка – инструмент очень деликатный, и даже малейшее движение способно изменить звук.

– Словно у тебя в руках птица. Сожмешь слишком сильно – и звук задохнется. Чрезмерно расслабишь пальцы – и он ускользнет. Все дело в балансе.

Акира муштровал Нори до тех пор, пока ее веки не налились свинцом, а желудок не начал громко урчать. Она даже не могла сдержать зевоту. Брат не обращал на это никакого внимания, раз за разом указывая на ритмический рисунок, с которым Нори пыталась совладать который час. За все это время ей было позволено лишь однажды отлучиться в уборную.

Акира снова ткнул в отрывок на листе с нотами, словно это могло каким-то образом заставить Нори хоть каплю его понять.

– Еще.

– Аники...

– Еще.

– Я не знаю.

– Ничего сложного. Используй мозги.

Нори начинала жалеть, что выпросила у него уроки игры на скрипке. Она принялась жевать внутреннюю сторону левой щеки в надежде, что легкая боль подстегнет что-нибудь в голове. И, как нарочно, в тот единственный раз, когда Нори прямо-таки хотела, чтобы явилась Акико, служанки нигде не было.

– Я не понимаю, что здесь написано, прости. Узнаю только среднюю ноту до.

– На скрипке четыре струны. На начальном уровне ты ограничена шестью нотами на каждой. Есть четыре стандартных положения руки... Нори, ты меня слушаешь?

– Да, слушаю! Просто... не понимаю...

Акира что-то пробормотал и на мгновение отвернулся. А когда снова повернулся, его глаза светились добротой.

– Ты не виновата. Преподавание – не мое. Не хватает терпения. – Он потрепал Нори по макушке. – Учи ноты. А я попробую найти для тебя какие-нибудь ознакомительные книги. И кстати, тебе нужна скрипка в размере одна вторая, моя для тебя чересчур велика.

Не имея ни малейшего понятия, о чем говорит брат, Нори на всякий случай кивнула и улыбнулась.

– А теперь марш отсюда. Я сам должен поупражняться.

Она поклонилась в пояс, шагнула к выходу и в легкой нерешительности коснулась дверной ручки. Рискованно – и все же Нори не могла устоять.

– Сыграешь мне ту мелодию? Вчерашнюю?

Акира уже возился с футляром для скрипки, откуда вытащил восковой на вид кирпичик.

– Завтра.

Нори выпятила нижнюю губу. Спорить не хотелось, и каких-то пару коротких недель назад эта мысль даже не пришла бы ей в голову. Трещины в послушании постепенно расплзались все шире.

– Прости, но... мне бы сейчас, если можно. Она помогает мне заснуть.

Здесь, по крайней мере, Нори говорила чистую правду.

– Ладно, – произнес брат безо всякого энтузиазма. – Не представляю, что ты в ней находишь. Мне она никогда не нравилась. Но ладно.

Нори села там, где стояла, поджав под себя ноги и выпрямив спину, сложила руки на коленях и почтительно воззрилась на брата в ожидании начала. Он взял скрипку в руки, и Нори закрыла глаза, позволяя звуку омыwać ее, словно мягкому приливу. Нет, не омыwać – пронизывать. Когда музыка стихла, Нори поднялась и вышла из комнаты, не говоря ни слова.

Нарушать тишину, последовавшую за безупречной мелодией, казалось почти кощунством.

* * *

Следующие несколько недель прошли в том же духе. Сразу после завтрака начинались занятия. Первые два часа Нори училась читать ноты, затем еще два часа изучала историю музыки. Потом был короткий перерыв на обед. Впрочем, даже в перерыве они прослушивали записи. После начиналось то, что Нори любила называть «игрой в повторюшку». Акира наигрывал простую мелодию, и Норико должна была ее повторить, чтобы отточить слух. Вскоре после начала ежедневных уроков Акира подарил сестренке скрипку по размеру, ведь ее руки были значительно меньше, чем у него. Когда Нори спросила, где он взял инструмент, брат коротко заметил: «Купил. Такое бывает, знаешь ли».

В первый день каждой недели Нори получала произведение; в последний она должна была его исполнить наизусть. Нори ненавидела этот день. Ее игра напоминала вой умирающего животного. На протяжении всего представления Акира сидел с кислой миной. Говорить ему ничего не приходилось, хватало страдальческого выражения лиц-а.

Честно говоря, Нори не ожидала, что учиться играть на скрипке так трудно. Приходилось думать о сотне вещей одновременно: поза, положение руки, нажим пальцев на струны, смычок... Мозг норовил разорваться на части. Поэтому то, как пальцы брата, словно ловкие танцоры, порхали по струнам, впечатляло ее все сильнее.

И, разумеется, Нори не ожидала боли. После десятикратного исполнения одной и той же простейшей гаммы ее нежные руки покрылись волдырями; те лопались и кровоточили.

Акира велел Акико принести теплую влажную тряпочку и немного медицинского спирта, затем усадил сестру на диван, обмакнул тряпочку в спирт и прижал к ее ладоням. Нори захныкала.

Брат прищелкнул языком.

– Цыц. Это всего лишь маленькие ранки. Со временем кожа загрубеет, и боли не будет.

– А скоро, аники?

– Когда как. У тебя, судя по всему, тонкая кожа. Сиди смирно.

Чтобы не отдернуть руки, потребовалась вся ее сила воли. Брат определенно не скупился на спирт. Нори шипела от боли, но Акира держал крепко.

– Когда я был в твоём возрасте, учитель гонял меня от зари до зари. Струны от крови становились красными, но его это ни капли не волновало. Поверь, я тебя еще жалею, ты ведь ребенок.

– Ты тоже был ребенком.

Акира ухмыльнулся.

– Не совсем.

Он отпустил ее руки.

– Ну вот, готово. Иди, если хочешь, поешь сладкого. Затем в постель.

В ту ночь, лежа в кровати, Нори слушала стрекотавших за окном сверчков. Они как будто к ней зывали, и ее вновь охватило глубокое желание вырваться на свободу, в мир вовне. Затем боль в груди заставила выбросить подобные мысли из головы. Они лишь мучили. Нет смысла заикливаться на том, чего не получить.

С возвращением матери Нори сможет играть за стенами дома сколько угодно. Акира вряд ли присоединится к салочкам или пряткам, но вдруг получится его уговорить. В одной детской книжке Нори видела, как на картинках мальчики с девочками бегали за красным мячом. Хорошо бы, если она будет очень стараться на уроках, Акира согласится поиграть с ней в красный мяч.

Пока Нори погружалась в сон, ее с болезненной ясностью поразило воспоминание. Стояла ранняя зима, выпал первый легкий снег. Парк рядом с квартирой, которую они снимали,

окутала дрема. Фонтан, покрытый тонким слоем льда, поблескивал на угасающем солнечном свете, скрипели на ветру голые деревья. И посреди этого всего шла женщина, хрупкая, съездившая от холода, неся в изящных руках бумажные пакеты с продуктами. На ней было светло-голубое в горошек пальто, красивое, однако явно изношенное. Длинные шелковистые волосы свободно развевались, скрывая лицо. Она казалась призраком – но призраком доброжелательным.

Позади нее семенил ребенок, девочка не старше трех-четырех лет, с кожей теплого медового цвета и буйной гривой кудрей, кое-как собранных в хвостик. Вдруг девочка издала пронзительный писк. Она заметила вдалеке качели и радостно ткнула в них пальчиком. Шагнула было в их сторону – однако безликая женщина дернула ее назад.

- Нам некогда играть. Нужно домой.
- Но я хочу поиграть, окасан! Я никогда не играю.
- Не сейчас.
- В парке пусто, никто меня не увидит. Никто не узнает.
- Иди тихо, и я дам тебе конфетку. Ну же.
- Но...
- Довольно.

Девочка бросилась на землю, не обращая внимания на холод, и зарыдала. Женщина молча стояла и ждала, когда истерика закончится. Затем пара продолжила путь, и слезы девочки под холодным ветром замерзли на щеках. Красная ленточка в каштановой гриве развязалась – вот-вот улетит.

Дитя обернулось, бросило на качели последний тоскливый взгляд, а потом их с матерью поглотила тьма.

* * *

Той ночью Нори спала беспокойно и внезапно проснулась, сама не зная почему. Было раннее утро, стояла мертвая тишина, даже птицы не щебетали. В груди возникло предчувствие нехорошего, и Нори сразу захотелось позвать Акиру.

Она попыталась сесть, но конечности подвели, наполненные всепоглощающей слабостью. Попыталась закричать, но не послушался и голос. Все тело будто бы заполнила вода, которую нельзя удержать, которая начнет сочиться сквозь поры.

Нори была совершенно уверена, что умрет.

Акико

Не особенно удивляюсь, обнаружив маленькую госпожу еще в постели. Сейчас только половина девятого, а она не жаворонок. Ее брат должен раскрыть мне секрет, как вытащить ее из кровати без рупора. В последнее время она не спала до трех-четырех утра и вставала ровно в семь. Причем постоянно сияет словно светлячок, несмотря на порезы на ладонях и мешки под красивыми глазками. Никогда не видела, чтобы кто-то так радовался столь простой доброте.

Оглядишь комнату – и сразу ясно, чем она занималась. По столу разбросаны ноты, среди них стоят две пустые миски. Подозреваю, таскать мороженое сюда, наверх, ей помогает брат. Юко-сама не любит, когда маленькая госпожа ест сладости: боится, что они испортят девочке зубы и фигуру.

Я вот думаю, что она ребенок, и ей должно быть позволено есть то, что хочется. Но я не Юко Камидза, кузина его императорского величества. Я не владею половиной земли Киото и многочисленными поместьями, разбросанными по всей стране. И потому мои мысли по этому поводу, в сущности, не имеют значения.

Когда Сейко-сама была ребенком, ей тоже не разрешали есть сладости. И она выросла невероятной красавицей, с гладкой и чистой, словно родниковая вода, кожей. Так что, возможно, решение верное.

Я тихонько окликаю девочку, чтобы пробудить ее ото сна. Знаю, она скорее конечно-сти лишится, чем расстроит Акиру-сама опозданием на урок. Совершенно не представляю, почему он помогает маленькой госпоже в ее нелепых затеях. Она не очень-то способная. И даже обладай она талантом, эта ее маленькая блажь никуда не приведет. С другой стороны, девочка совсем юна. Полагаю, она еще не осознала, что любая ее попытка связать себя с Акирой-сама тщетна. Их судьбы непреклонно предопределены, и они разные, как день и ночь. Может, он потекает ей из жалости. Или ему просто скучно. Укромное поместье ни в какое сравнение не идет с шумным сердцем Токио.

Акира-сама, разумеется, исключительно талантлив, что меня несколько не удивляет. Истинное дитя своей матери.

Девочка не отвечает. А вставать нужно немедленно, чтобы перед занятием успеть позавтракать. Я со смиренным вздохом подхожу к кровати.

И сразу же понимаю: что-то не так. Лицо девочки лишено краски, только на сомкнутых веках алеют неестественно яркие пятна. Выбравшись из-под одеяла, малышка разметалась по постели. Белая ночная рубашка липла к мокрому от пота телу. На подушке засохла корка рвоты, и еще до того, как прикоснуться ко лбу маленькой госпожи, я знаю, что она горит в лихорадке. Мое сердце трепещет от страха, и я удивляюсь сама себе. Неужели я так сильно к ней привязана?

Бегу в сад, где наверняка найду хозяйку, которая ухаживает за своими драгоценными цветами. У нас несколько садовников, а она каждое утро упрямо выходит осмотреть двор лично. Жду, когда она меня заметит. Юко-сама встает, каким-то образом умудряясь выглядеть достойно, даже когда низ ее темно-зеленого кимоно покрыт землей и влажными пятнами росы. Хозяйка убирает с глаз упавшую прядь волос и обращается ко мне:

– Да?

– Что-то с Норико-сама, госпожа. Думаю, девочка больна.

Юко-сама поджимает губы – знак огромного неудовольствия. Знаю, она предпочитает как можно меньше думать о внучке. Хозяйка была в восторге, что у нас поселится Акира-сама, законный наследник мужского пола, и буквально плясала от радости на могиле бывшего зятя. Хозяйку раздражает, что мальчик предпочитает проводить много времени с Нори. Думаю, она боится, что они друг друга испортят. Однако она не хочет ограничивать мальчика. Чего она действительно желает – так это его преданности. Единственным человеком рода Камидза, которого он знал, была его мать, Сейко-сама, и... ну, осмелюсь сказать, что их общение не вызывало у него пламенной семейной гордости. Юко-сама умна. В предстоящие годы мальчик ей понадобится. Если хочется ему развлекаться со своей сестрой-ублюдком, то пусть. Малая цена за сохранение семейного наследия.

После долгой паузы Юко-сама расслабляет губы.

– Обычно она крепка, верно? – спрашивает меня хозяйка.

– Да, госпожа.

– Что с ней?

Я колеблюсь.

– Горячая на ощупь. И крепко спит, я не смогла ее разбудить.

Хозяйка разочарованно вздыхает. Она явно надеялась избежать привлечения людей извне, тем не менее не может закрыть глаза на происходящее. Кохей-сама, уверена, с удовольствием воспользовался бы предложением избавиться от девочки. Однако Юко-сама не такая, как супруг. Она не питает к этому ребенку любви, но никаких сомнений: она – единственная при-

чина, по которой Нори не отвели в темный лес и не пристрелили словно больную собаку, едва та появилась на пороге.

Очень надеюсь, что Нори не умрет. Она – моя подопечная. И я несу ответственность за ее благополучие.

Признаюсь, когда маленькая госпожа только приехала, я не хотела за ней присматривать. Первые недели я думала, что мне подсунули слабоумную. Клянусь, весь день она сидела на полу и пялилась в стену.

Теперь я не так уж против. Так что лучше, если девочка не умрет.

Не знаю, что буду делать, если она умрет.

Юко-сама делает звонок из кабинета. Не проходит и часа, как я открываю дверь мужчине, дряхлому и сутулому. Хозяйка сердечно его приветствует, а он ей низко кланяется, именуя ее Юко-химэ – принцесса Юко – титулом, который не используется с тех пор, как началась война. Госпожа улыбается и легонько шлепает его веером. Уже по одному этому маленькому жесту очевидно, что они знакомы.

– Спасибо, что пришли, Хироки-сенсей. Как всегда без промедлений.

– С превеликим удовольствием. Ради вашего общества я согласился бы лечить и чуму. Почаще бы в вашем доме болели, да простят меня небеса.

Они еще немного обмениваются любезностями. Он спрашивает о здоровье супруга Юко-сама и, кажется, остается слегка разочарован, услышав, что с ним все в порядке. Затем госпожа ведет его на чердак.

Я бегу на кухню приготовить чайный поднос. Меня не раз били этим веером по голове за то, что я забывала про чай.

Как раз, когда я собираюсь подняться по лестнице с подносом, из-за угла появляется Акира-сама. От неожиданности я чуть не роняю свою обувь. Никогда не слышу, как он подходит – мальчик умудряется идти, не издавая ни единого звука. Хотя он, само собой, вежлив, красноречив и очарователен, есть в нем нечто, что меня нервирует.

Он смотрит на меня без улыбки.

– Акико-сан. Охайо годзаймас⁹. Вы не видели Норику?

Ну конечно, он понятия не имеет, что происходит. Их урок музыки уже должен был начаться.

– Норику-сама больна. Вашей высокочтимой бабушке пришлось вызвать врача. Они...

Не успеваю договорить, как мальчик делает шаг вперед и забирает у меня из рук поднос.

– Я отнесу, – говорит он. – Спасибо.

А затем он шествует вверх по ступенькам, столь же чинный и собранный, как сам император. Через минуту или две я иду следом.

На чердаке все так, как я и ожидала. Юко-сама потягивает чай за столом, слегка обмахиваясь веером. Молодой господин стоит у кровати, скрестив руки на груди. По его лицу сложно что-то прочесть. Хироки-сенсей осматривает девочку. Он касается ее лба и шеи, бормоча себе под нос. Потом лезет в сумку и достает деревянный шпатель для языка, который довольно неаккуратно сует девочке в рот. Та не шевелится. Когда доктор открывает малышке рот, доносится лишь слабый намек на стон. Хироки-сенсей касается обнаженной кожи ее ключицы; я впервые замечаю, как она припухла и покраснела.

Когда добрый доктор заканчивает осмотр, он издает череду странных звуков, означающих, что он готов сделать вывод.

Юко-сама изображает вежливую, хоть и немного напряженную улыбку. Акира-сама собран и хмур; сложно поверить, что ему всего пятнадцать лет. Он такой же устрашающий, какой была его мать в мгновения недовольства. Господь, помоги нам всем, если однажды мы

⁹ Доброе утро (яп.).

застанем повторение того дня, когда Сейко-сама узнала, что ее занятия музыкой подошли к концу и она должна немедленно выйти замуж. День, когда она вернулась домой из Парижа и обнаружила: на постели ее уже ждет готовое свадебное платье.

– У ребенка скарлатина, – объявляет доктор как-то слишком уж гордо.

Госпожа Юко не выдает эмоций, но я все же тайком бросаю на нее взгляд. Потому что я знаю, и она знает, что мать Норико тоже заболела скарлатиной в этом возрасте. Сейко-сама частично лишилась слуха в левом ухе и чуть не рассталась с жизнью.

Однако то было совсем другое дело. Сейко-сама единственная наследовала фамилию и титулы. Мы не могли допустить ее гибели. Она была нашей большой надеждой на будущее.

Когда-то, конечно.

Из задумчивости меня вырывают звуки перебранки. Акира-сама едва ли не кричит на свою бабушку. На висках у него пульсируют тонкие голубые венки.

– Что значит, мы не можем себе позволить?

Юко-сама щелчком захлопывает веер и встречает пламенный взгляд внука.

– Я этого не говорила. Я сказала, что этих расходов нет в бюджете.

Доктору хватает порядочности испытать неловкость. Он прижался к кровати, положив ладонь на окаменевшее тело маленькой госпожи. Словно спящий ребенок способен защитить его от перекрестного огня.

Акира зло усмехается.

– Вы хотите сказать, бабушка, мы пали так низко, что не можем включить в бюджет горсть таблеток? Должен ли я просить милостыню?

– Не просто таблеток, – пищит доктор. – Антибиотиков! Новая разработка в области медицины в первую очередь предназначена для солдат. Особенно сейчас, с оккупацией... Они дорого стоят, а также их трудно достать. Американцы контролируют...

– Мне плевать, – коротко перебивает Акира. – Я только что слышал ваши слова о том, что без них она может умереть.

Доктор склоняет голову.

– Акира-сама... если позволите, дети веками переживали скарлатину и без подобных средств. Есть шанс, что она поправится, если мы просто подождем. Как я говорю, дети переносят скарлатину с давних времен.

– И многие от нее умирают. Вопрос не подлежит обсуждению. Ступайте и принесите лекарство. Я прослежу, плату вы получите.

Моя госпожа встает из-за стола – к моему великому изумлению, с улыбкой. Не знала бы я ее лучше, сказала бы, что она находит сильную личность Акиры... забавной. Никогда не видела, чтобы кто-то бросал вызов Юко-сама и получал в ответ улыбку.

– Дражайший внук, в этом нет нужды. Я сама про-слежу.

Она щелкает пальцами. И это намек, что мне пора воплощать ее желания в жизнь.

Не хочу уходить, однако мне платят не за то, чтобы я что-то хотела. Не за то, чтобы я что-то думала. А за то, чтобы я выполняла работу. Я служу семье Камидза, но в основном – госпоже Юко. Много лет назад моя семья присягнула на верность ее семье. У маленькой госпожи своя роль в жизни, и вскоре она об этом узнает.

Пусть у нее будет еще несколько лет относительного счастья. Хотя бы этого, полагаю, она заслуживает.

* * *

Боль пришла быстро. Обратный путь, путь к жизни, Нори искала долго.

Она продиралась сквозь густой туман, с трудом поднимая конечность за конечностью. Навалилась такая тяжесть, словно к каждой косточке привязали по огромному камню. Потом

кто-то прикоснулся к ее... голове? Спине? Рукам? Было не разобрать, тело казалось единым сгустком. К губам прижалось нечто теплое, со вкусом *окаю*¹⁰ и капельки корицы. Знакомый вкус пробудил желание поест, это было единственное, что умела готовить мать.

Ложка продолжала мягко давить на губы, и Нори ее впустила; инстинктивное желание сглотнуть пересилило замешательство.

Жарко. Господи, почему так жарко? Все горело. Каждый вздох был милостью, подарком небес, который мог больше не повториться. Воздух в легких казался слишком густым, чтобы принести облегчение.

Нори смутно слышала разговоры. Словно она под водой, а говорят на поверхности. День сейчас или ночь? К губам снова что-то поднесли... Вода! Желанная, потому что может погасить гнетущий жар.

Но вместе с водой что-то... твердое. Оно царапнуло горло, и Нори дернулась, пытаясь избавиться от помехи, однако ей не дали открыть рта. Сопротивляться не было сил. Нори сглотнула, и следом вновь появилась вода, облегчая боль.

Цикл повторялся, долго ли, часто ли – Нори понятия не имела. Как только она чувствовала ложку, то открывала рот.

Иногда ко лбу прижималось что-то прохладное. Освежающее. Приятное. Хотелось сказать «спасибо», но почему-то не получалось.

Мало-помалу туман рассеивался. Нори стала лучше понимать, что происходит. Она могла бы даже есть в постели, прислоняясь к подушкам, если бы смутные силуэты ей помогли.

Теперь она знала, что ложку держит Акико, а в углу притаился Акира. Он молча сидел и читал книгу – и когда Нори просыпалась, и когда засыпала. Ей не хватало сил позвать его по имени.

Прошло еще некоторое время. Дни или недели.

Немного окрепнув, во время кормления Нори стиснула запястье Акико и попросила чуть-чуть мороженого. После долгого молчания голос прозвучал слабо и хрипло. Служанка на мгновение оцепенела, затем расплылась в широкой улыбке.

– Как скажете, маленькая госпожа.

Выходя из комнаты, Акико наклонилась и прошептала что-то Акире на ухо. Мальчик оторвал взгляд от книги – и встретился с сестрой взглядом. И тогда Нори поняла, что не умрет.

¹⁰ Японская рисовая каша.

Глава пятая

Лютики

Киото, Япония

Лето 1951 года

Лето подходило к концу, дни стояли теплые и ветреные. Иногда Акира отменял одно-два занятия, чтобы выполнить кое-какие поручения или навестить друзей в Токио. Нори сидела у двери, пока он не возвращался. Ее постоянно терзал страх, что брат к ней не вернется.

Чтобы свести ее жалобы к минимуму, Акира подкупал сестру безделушками из города. Вернувшись из недельной поездки в Токио на конкурс скрипачей, он вручил ей плюшевого кролика. Акира отказался говорить, победил он или нет, однако Нори ухитрилась подсмотреть, как в его комнату принесли новый сверкающий трофей.

– Увидел его на витрине магазина, – сухо отметил брат, протягивая игрушку. – Последний в продаже, так что не потеряй, вряд ли смогу достать еще одного.

Плюшевый кролик был просто восхитителен, с белоснежным мехом и радостными черными глазами-пуговичками в форме полумесяца. Вокруг его шеи красовалась ярко-желтая лента, повязанная бантом. Присмотревшись, Нори различила вышитые на шелке крошечные солнышки.

Она назвала игрушку Шарлоттой, в честь героини «Оливера Твиста». Благодаря Акире, у которого с самого детства английский был вторым языком, Нори преодолела уже примерно три четверти этого произведения. Пока она оправлялась от болезни, Акира садился у ее постели и читал ей вслух.

С того дня Шарлотта сопровождала Нори повсюду. Когда девочка ела, крольчиха сидела под стулом. Когда шло занятие, Шарлотта занимала место на пианино. Ее улыбка была притупленной – а потому не исчезала, даже когда Нори запинаясь, а Акира с отвращением кривился.

Как-то во время урока Нори пошутила, что, если Акира хочет добиться результата, надо попробовать ее лупить. Она ожидала услышать смех, но брат лишь тяжело на нее посмотрел.

– Она тебя бьет?

Нори мгновенно стало неловко. С равнодушным Акирой она еще могла иметь дело; серьезный был зверем совершенно иного рода.

– Ну... чуть-чуть.

Акира нахмурился и опустил чашку с чаем на приставной столик.

– Часто?

– Каждую... неделю. Ничего страшного, правда.

Акира потребовал подробностей, и Нори пришлось рассказать ему о визитах бабушки и порке, которая неизбежно за этим следовала. Нори рассказала все – в том числе и о специальных ваннах, предназначенных для химического осветления кожи. Акира слушал с суровым лицом.

– Это больше не повторится, – произнес он, сунув ей в руки еженедельное задание – четыре произведения, которые нужно выучить наизусть и сыграть. – Здесь Брамс. Ты с ним еще не знакома. Его стиль покажется тебе трудным, но я ожидаю, что ты его все равно освоишь. Ясно?

– Постараюсь, аники.

– Я сказал не постараться, а освоить. И продолжай играть пьесу, которую я дал тебе на прошлой неделе. Я скоро вернусь.

– А какую именно?

Акира пожал плечами. Было ясно, что его внимание уже сосредоточилось на чем-то ином.

– Любую. Они все вышли ужасно, тебе есть над чем потрудиться.

Нори не стала гадать, что Акира намерен сделать. Он делал то, что хотел и когда хотел, а остальной мир ему повиновался. Акира был единственным законным наследником. И дражайшая бабушка скорее отпилила бы себе ногу, чем позволила бы сказать, что Юко Камидза несет ответственность за гибель семейного наследия... Правда, с тех пор, как Акира объяснил, что монархия жива разве что номинально, Нори не знала, какую пользу им это наследие принесет. Благородные *кугэ*¹¹, от которых происходила семья Камидза, аристократия императорского двора *кадзоку*¹², к которой принадлежала бабушка, – все это в прошлом. Теперь кузены императора или рисоводы – в новой Японии все были равны.

Акира говорил, что переход от старого общества к новому происходит не очень гладко. Почему Акира все ей объяснял, почему его волновали события ее жизни, для Нори по-прежнему оставалось загадкой. Она знала, что в лучшем случае могла надеяться быть для него развлечением. Через много лет, когда они оба вырастут, Акира будет очень важной персоной. Пусть после войны сословия и наследственные титулы официально отменили, люди, как правило, все еще верили в силу крови. Кроме того, по-прежнему имели весьма немалый вес богатство и репутация семьи. Может, Акиру больше не назовут принцем, но относиться к нему будут как к принцу.

А она, вероятно, продолжит сидеть на чердаке, наблюдая, как распускаются и умирают цветы.

Нори потрясла головой. Такие мысли служат лишь одной цели – удручать.

Она не слишком заикливалась на матери, или будущем, или зияющей бездне пустоты, которая занимала в ее груди место сердца. За годы, проведенные здесь в полной изоляции, Нори научилась не думать слишком много. Иначе с большой вероятностью начала бы биться головой об пол.

Вернувшись, Акира легонько хлопнул сестру по спине, чтобы поправить осанку, но ничего не сказал. А она не спросила, куда он ходил и что говорил. Однако каким-то образом поняла, что к ней больше никто не притронется.

Спустя несколько минут Акира ее отослал.

– Иди поиграй, – произнес он, указывая на дверь. – Мне нужно репетировать для национального конкурса.

Нори разрывалась между разочарованием и облегчением, что больше не нужно продирается через слишком сложные для нее произведения.

– А нельзя послушать, аники?

– Нет, – сварливо отбрил брат, не глядя на Нори. – У тебя выражение лица делается нелепым, и это отвлекает.

– Чем же мне тогда заняться?

– Не знаю. Чем занимаются нормальные дети.

– Я не понимаю, что это значит.

– Тогда иди и пялься в стену, мне все равно. Я не могу постоянно тебя развлекать.

Нори прикусила язык и вышла из комнаты. Неподалеку ее ждала Акико.

– Занятия закончились, маленькая госпожа?

– Меня выгнали, – буркнула Нори. – Ему нужно готовиться к какому-то дурацкому соревнованию.

Акико приподняла уголки губ в улыбке.

– Ваш брат – лучший исполнитель страны в своей возрастной категории. Для него это вопрос большой гордости.

– Гордость, гордость, гордость, – проворчала Нори. – В этом доме только о ней и говорят!

¹¹ Древняя несамурайская придворная аристократия.

¹² Высшая японская аристократия эпохи Мэйдзи.

– Гордость присуща мужчинам, Нори-сама. Возможно, вам ее полностью и не дано понять.

– Но обаасама тоже все время о ней говорит, а она не мужчина.

Акико фыркнула и прикрыла ладошкой рот, сдерживая смех.

– Ваша высокочтимая бабушка... не похожа на большинство женщин, маленькая госпожа.

Нори неохотно вернулась на чердак. Вяло поковыряла обед и отодвинула стакан молока.

– Хочу что-нибудь сладкое. Пусть кухарка приготовит мне торт.

Акико вскинула бровь.

– Какой же торт?

– Хочу лимонный. И чтобы со взбитыми сливками.

Служанка поклонилась и вышла, оставив Норику томиться в одиночестве. Девочка раздраженно походила по чердаку, взяла сборник стихов и, устроившись у окна, принялась читать. Учебник истории, который ей дал сенсей, лежал на верхней полке и собирал пыль. Когда через несколько недель занятия возобновятся, Нори явно нарвется на суровую выволочку. Саотомэ-сенсей всегда уезжал на лето, однако ожидал, что она не забросит учебу.

Нори просидела за чтением несколько часов, а когда принесли торт, слегка поковыряла в нем ложкой. Немного поиграла с Шарлоттой. Отказалась от ужина и пропустила мимо ушей возражения Акико.

Когда служанка велела ей идти спать тоном, который означал «не спорь, или я пожалуюсь бабушке», Нори произнесла про себя бранное слово.

Натянув через голову ночную рубашку, она ощутила за спиной чье-то присутствие.

– Нори.

Судя по тону, брат был ею недоволен.

Нори повернулась.

– Аники...

Его взгляд словно обдал холодным душем.

– Слышал, ты ведешь себя как капризный ребенок.

– Я не вела себя как капризный ребенок.

Ложь была настолько ужасной, что Нори с трудом сумела сохранить невозмутимое выражение лица. Однако на кону стояла гордость. Проклятая гордость Камидзы. Хоть сколько-то ее может оказаться и у ублюдка.

Акира закатил глаза и нетерпеливо посмотрел на свои наручные часы, словно Нори встревала в его тщательно спланированный график.

– Брось. Я не могу проводить с тобой каждую свободную минуту. И даже если бы мог, то не захотел бы. Что ты собираешься делать, когда начнется школа?

У нее пересохло во рту.

– Гакуэн? Школа?

Акира снова закатил глаза, и Нори подумала – несколько язвительно, – что поделом ему будет, если они там и застрянут.

Тусклый свет комнаты еще больше подчеркивал бледность брата, и Акира сиял, словно Иисус перед грешниками. Само его присутствие проливалось флуоресцентный свет на все, чего у Нори не было.

– Да, школа. Мои занятия начинаются через несколько недель. Я и так все откладывал, смерть отца послужила достойным оправданием. Я не то чтобы в восторге от места, которое выбрала для меня старуха. Но у них есть учитель музыки мирового класса. Поэтому я согласился на сделку. Так вот, меня не будет весь день. И пока меня нет, тебе нельзя морить себя голодом.

– Я хочу с тобой! – Нори изо всех сил старалась сделать голос каким угодно, кроме умоляющего. К сожалению, получалось не очень убедительно. – Пожалуйста! Я хорошо учусь. Правда! Я могу ходить с тобой. Я тебя не опозорю, честное слово.

Его лицо потемнело.

– Нори, у меня другой год обучения. Кроме того, в мою школу не принимают детей твоего возраста.

И невысказанное: *«И ты мне там все равно не нужна»*.

– И что? Есть школы для девочек моего возраста. Я знаю, что они есть. Сенсей в такой преподавал. Я пойду туда.

Акира одарил ее долгим, серьезным взглядом.

– Ты же знаешь, что это невозможно.

Перевод: *«Если ты не понимаешь, что это невозможно, ты полная идиотка»*.

Нори впиалась ногтями в ладони.

– Школе все равно! Все равно, и ты сам это знаешь. Там полно американцев...

Акира вскинул бровь.

– Только не в Киото. И как ты об этом узнала?

Нори уставилась в пол. Она-то идиотка, сомневаться не приходится, но даже она могла сделать простейший вывод. Все ненавидят американцев. И все ненавидят ее. О чем-то это говорит.

– Газету читаю. Акико иногда ее приносит, хоть ей и не положено. И я слышу, как сплетничает прислуга. И знаю про американцев. Они победили в войне, так ведь? Вот почему они здесь. Вот почему...

Нори умолкла. Она не до конца постигла значение слова «война», однако понимала: ее народ чувствует от американцев угрозу. И тайный страх, который она годами отталкивала, говорил, что ее отцом был американец. Откуда еще взяться такой коже? Коже, которую Акико назвала «цветной», когда Нори спросила, зачем ей нужны ванны.

Здесь нет цветных людей. Зато в Америке, как Нори читала, есть люди всех мастей, каких только можно себе представить. Всех цветов кожи, всех рас на планете.

У нее был еще один страх, самый глубинный, самый страшный: ее отцом был солдат другой стороны. Один из тех, кто явился на родину ее семьи, попытался уничтожить ее народ, традиции, наследие. Один из тех, кто отнял власть монархии, кто обрушил с небес огонь. Все встало на свои места. Существование Нори было воплощением предательства.

Акира быстро подошел и уверенно опустил на ее макушку ладонь. Нори посмотрела на брата снизу вверх, твердо решив не заплакать. Акира прочел ее мысли так легко, словно они проявились буквами у нее на лбу.

– Ты не американка, Нори, – прошептал Акира, медленно и отчетливо. – Ты своя.

Теперь настал черед брата лгать. Смелый взгляд Нори вызывал его на откровенность.

– Мой отец не был своим. Он был американцем, так ведь? Одним из тех, кто всем вредит?

Впервые с тех пор, как Нори его увидела, Акира растерялся. Разговор вышел из-под контроля, и было кристально ясно, что ему это не нравится.

– Твой отец... никому не вредил. Насколько я понимаю, он был всего лишь поваром. Он приехал до... до того.

– До войны?

– Нори, сейчас, наверное, не...

Она стиснула кулаки – и проронила слова, которые всегда боялась произнести:

– Просто расскажи уже.

И тут свершилось. В посудную лавку вломился слон, которого они оба избегали с того дня, как брат появился на пороге дома семьи Камидза. Потому что слон существовал лишь в том случае, если его кто-то признавал. Дабы сделать его осязаемым, дабы придать ему сил,

требовалось добровольно шагнуть в ловушку. Нори этого избегала. Она была на седьмом небе от счастья, что у нее теперь есть аники, и отодвинула остальное в сторону. Потому что каким-то образом понимала: как только этот разговор состоится, все изменится навсегда.

Однако Нори больше не могла окутывать себя неведением; за какие бы хрупкие заблуждения она ни цеплялась, им вот-вот предстояло освободиться от теней и выйти на неумолимый свет.

Акире было ужасно не по себе. Он нервно теребил рукава бордовой рубашки.

– Рассказывать тебе об этом не мое дело. Должен кто-то другой.

– Кто же мне расскажет, аники? – осведомилась Нори, схватив брата за руку, лежавшую у нее на плече. – Никто. Никто ничего мне не говорит. И я отчасти была за это благодарна. А теперь я хочу знать правду. Скажи мне, кто я такая.

Акира на мгновение смежил веки. Когда он снова открыл глаза, то выглядел почти печальным.

– Нори, присядь.

* * *

Последовавшая тишина заполнила комнату, как ядовитый газ. Нори разинула рот и никак не могла его закрыть. Ее глаза лихорадочно метались туда-сюда, как стеклянные шарики, пущенные детской рукой. Она так сильно тянула себя за волосы, что едва не выдираала их из головы.

Акира сидел за столом напротив сестры, аккуратно сложив руки перед собой, и смотрел на нее с явным беспокойством.

– Норико... ты должна была знать.

– Я не знала, – прошептала она, не глядя в ответ, не желая видеть в его глазах жалость. – Я не знала, что мое рождение разрушило твою семью.

– Наша мать и мой отец не были счастливы. Они не испытывали друг к другу ненависти, однако и счастья не было. Мать не хотела выходить за него замуж. Ни за кого не хотела, но ей не оставили выбора.

– Она нарушила свадебные клятвы, – всхлипнула Нори тихим, жалким голоском, на который она, как ей думалось, уже была не способна. – Предала твоего отца. Предала Бога. Совершила прелюбодеяние. *С американцем.*

Акира пожал плечами.

– Она ушла, когда мне было четыре. Я мало что об этом помню, да и она не говорила нам, куда собирается. Тогда мать, полагая, поняла, что беременна тобой. Но ее и до того постоянно не было рядом. Она общалась со странными людьми, все время где-то пропадала. Очень сомневаюсь, что твой отец был первым, кого она пустила в постель. Впрочем, настолько я знаю, с людьми иного цвета кожи ее не видели никогда. Наверное, интересовалась экзотикой.

Если от этого Нори должно было стать легче, то на деле эффект получился полностью противоположным. Ее буквально вывернуло наизнанку. От едкого привкуса желчи заслезившись глаза.

Нори с трудом оторвала взгляд от пола и уставилась на свои руки. Они так дрожали, что с ними было не совладать. Акира поднялся, подошел к ней, тактично обогнув лужу рвоты, и протянул стакан воды, однако Нори покачала головой.

– Мне так жаль, – прошептала она, и по ее щекам покатились крупные слезы. – Акира, мне так жаль, что я така-я...

Вряд ли мать, будучи столь вульгарной, удосужилась попросить у Акиры прощения за то, что бросила его и навлекла позор на всю их семью. А посему эта ноша легла на плечи Норико.

Брат снова пожал плечами, глядя на нее.

– Сейко сама принимала решения. Такова жизнь. Мой отец был хорошим человеком и хорошо меня воспитал. По правде говоря, наверное, мне было без нее даже лучше.

– Но я...

– Ты не виновата. Так что тихо.

Нори вытерла глаза.

– Где она?

Казалось удивительным, что вопрос, который снедал ее столь долго, странным образом диктовал ей каждый шаг по этой земле, можно изложить так просто: всего два коротеньких слова.

Акира пожал плечами.

– Не знаю, и мне все равно. Никто ничего о ней не слышал с тех пор, как она высадила тебя на пороге этого дома.

Нори хотела спросить, не думает ли Акира, что их мать умерла. Однако с губ сорвался иной вопрос:

– Ты ее ненавидишь?

Акира закрыл глаза – и на мгновение будто стал старше на много лет.

– Нет. – Он пробежал пальцами сквозь свои взъерошенные волосы. – Не ненавижу. А ты?

Нори невольно нащупала завязанную бантом на шее травянисто-зеленую ленту. В памяти сохранился день, когда она ее получила – как сохранились дни, когда она получила и остальные подарки.

– Нет, – шепнула она.

Хотя на глаза вновь навернулись слезы, Нори их остановила. Они не прольются. Больше ни одна слеза не скатится по ее щекам из-за Сейко Камидзы.

Странно теплые руки Акиры подняли девочку со стула. Она обмякла, и он прижал ее к себе, как неоперившегося птенца, неспособного двигаться самостоятельно. Объятие продлилось долгий миг. Акира еще никогда ее не обнимал.

Нори зажмурилась, слушая биение его сердца. Даже оно казалось мелодичным. Дыхание Акиры было медленным и ровным, оно дарило уверенность в том, что жизнь продолжается.

Краткий миг прошел, Акира ее отпустил.

– Ложись спать, – произнес он. – И не опаздывай завтра на занятие. У нас будет Шуберт.

Нори посмотрела ему вслед и еще долго после того, как он скрылся, видела в темноте призрачный силуэт.

Той ночью она так и не заснула. Лежала в постели, уставившись широко распахнутыми глазами в потолок, и изо всех сил сдерживала слезы. Невидимая стена, отделявшая ее от воспоминаний о прошлом, разрушалась кусочек за кусочком.

Однако Нори по-прежнему не могла разглядеть лицо матери. Она видела только глаза.

И теперь девочка наконец осознала, зачем эта стена была нужна. Не мучить ее, скрывая славные деньки блаженства с матерью, которая ее любила. А защитить от матери, которая ее не любила.

Дым. Столько дыма. В квартире всегда пахло дымом, щелоком и уксусом.

Мать часто старалась вывести из дома запах сигарет. Бывало, она приводила по вечерам людей – когда до этого, как правило, весь день отсутствовала. Мать наносила румяна и алую помаду, брызгала на себя мятным парфюмом. На туалетном столике всегда стояла ваза с высокими фиолетовыми цветами. Нори запомнила это особенно отчетливо.

Когда прихорашивание подходило к концу, раздавался стук в дверь. Мать отправляла Нори в комнату и запирала ее на ключ снаружи.

Нори никогда не били, никогда на нее не кричали. Но и не целовали, не обнимали, не обращались к ней с нежностью. Мать была образцом безучастия. Ни ненависти, ни любви.

Нори сотрясалась от беззвучных рыданий. Она могла подавить слезы и звуки, но ее грудь вздымалась и опускалась с силой небольшого урагана, полностью игнорируя волю своей хозяйки.

Мать бросила Нори не для того, чтобы та достигла совершенства. Не для того, чтобы преподать ей урок, не для того, чтобы сделать ее «хорошей».

Она хотела, чтобы Нори просто *не было*.

Без ребенка мать становилась свободной. Больше никакого стыда, никаких трудностей. Все просто. До боли, до боли просто.

Все это время Нори просила Бога о даре – не подозревая, что давно его получила. Маленький пузырь, сотканный из смеси мечтаний, надежды и вопиющей глупости, – не клетка, как она думала. Это ее щит.

Мать за ней не вернется. *Она никогда, никогда не вернется.*

И осознание наконец заставило слезы пролиться.

Глава шестая

Амэ (Дождь)

Киото, Япония

Лето 1951 года

Следующим утром брат разбудил ее на рассвете и, не говоря ни слова, потащил вниз по лестнице, после чего велел ждать в гостиной. Ошеломленная Нори молча проследила, как он исчез в кабинете, чтобы «перемолвиться словечком с нашей дорогой бабушкой».

Акико уставилась на девочку, явно не понимая, стоит ли вообще о чем-то спрашивать.

– Маленькая госпожа... – начала она.

– Я не знаю, – прошептала Нори, потянув себя за локо-н.

Нерасчесанный, ничем не скрепленный, он поймал ее палец в ловушку из узелков и отказался отпускать. Нори, все еще в ночной рубашке, вздрогнула под порывом сквозняка.

– Посмотрите, что там происходит.

Акико кивнула и направилась к выходу из комнаты, однако помедлила, прежде чем свернуть за угол. Она ведь должна была следить за подопечной. Если что-нибудь окажется сломано, поплатятся они обе.

Нори криво улыбнулась.

– Не волнуйтесь, Акико. Я никуда не уйду. Обещаю.

В большем служанка не нуждалась и оставила Нори одну. Никто, даже бабушка, не сомневался в ее послушании. Это был единственный ее истинный дар.

Удивительно мягкие ковры под босыми ногами наверняка стоили невероятно дорого, и Нори осторожно с них сошла. Что бы ни говорил Акира, она не считала себя полностью в безопасности от побоев. Бабушка не из тех женщин, которыми можно помыкать, не следует испытывать новообретенную удачу.

Девочка стояла, прижимаясь спиной к стене, стараясь ни к чему не прикасаться. В самом доме ей по-прежнему было неудобно. Даже в одежде она чувствовала себя обнаженной.

Двадцать минут превратились в час. С каждым мгновением ее беспокойство росло.

Нори не имела ни малейшего понятия, о чем сейчас говорят бабушка и Акира. Обычно в ответ на запросы Акира получал вздох, трепет веера и спокойное «как хочешь, дорогой» или «Ну, если нужно». А чтобы беседа тянулась так долго... Что брат решил попросить на этот раз? Голову пророка на серебряном блюде?

Наконец спустя, казалось, тысячу лет Акира вернулся в гостиную. Выражение его лица подсказало Нори, что, чего бы он ни хотел, он вышел победителем. Брат смотрел на нее с огоньком в глазах, которого девочка раньше не замечала.

– Нори, – шепнул он странно высоким голосом. – Пойдем со мной.

Она могла бы спросить зачем. Она могла бы спросить, куда они направляются. Но не сделала ни того ни другого.

Она безмолвно протянула руку. Акира взял ее, и Нори вдруг поняла, что у него вспотели ладони. Брат повел ее по извилистым коридорам огромного дома.

Нори видела двор только из своего окна. И теперь, стоя за тонкой раздвижной дверью, осознала, что никогда не видела его на уровне глаз. Она чувствовала чистый воздух. Ветерок скользнул по коже нежной лаской – настолько нежной, что Нори чуть не заплакала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.